

НАЧАЛО КОНЦА¹

22 июня 1941 года. Чудное солнечное утро. Всю ночь как-то необычно гудели самолеты. Без конца. Появились в воздухе новые, еще не виданные типы истребителей.

У нас дома маленькое событие — Дима с детским садом уезжает на взморье. Долго спорили, отпускать или нет. Решили все же отправить — пусть, мол, привыкает быть без своей мамы. В семь часов детский сад уезжает на специальном автобусе.

Прикрепил чемодан с Димиными пожитками к багажнику, и он гордо уселся на своем седле на моем велосипеде. Как и каждое утро, совершаю с ним нашу утреннюю поездку в детский сад. В последний раз он сидит передо мной на велосипеде. Мы этого не знаем и радуемся жизни.

¹ Главы «Начало конца» и «Началось» написаны на основе записей, которые автор вел с начала войны, находясь сначала на свободе, а затем в Рижском гетто, откуда он совершил побег 4 февраля 1942 года. Основная часть их текста написана в 1943—1944 годах в тайном убежище и завершена в первые месяцы после освобождения. На отдельных листах текст постепенно передавался на волю и укрывался в надежном месте. В 1945 году этот текст был передан в Москву для публикации в «Черной книге» — сборнике материалов, показаний очевидцев и документов об уничтожении нацистами евреев на территории Советского Союза и Польши, составившемся под редакцией писателей Василия Гроссмана и Ильи Эренбурга. «Черная книга» создавалась с 1943 года в рамках международного проекта, в котором приняли участие А. Эйнштейн, Л. Фейхтвангер и другие выдающиеся интеллектуалы и общественные деятели. Сбором материалов для книги занимался Еврейский антифашистский комитет, и ее рукопись фигурировала на начавшемся в ноябре 1945 года Нюрнбергском процессе над главными нацистскими военными преступниками. Однако уже набранная книга тогда так и не увидела свет — ее набор был уничтожен в 1948 году при ликвидации Еврейского антифашистского комитета сталинским режимом. Сделанный в 1947 году и сохранившийся в архиве И. Эренбурга корректурный оттиск «Черной книги» был издан в Иерусалиме только в 1980 году. В Советском Союзе книга была переиздана в 1991 году в Киеве, а в постсоветский период ее новое издание было осуществлено в 1993 году в Вильнюсе. В тексте вильнюсского издания были восстановлены все изъятия (выделены



Аля и Дима во дворе дома на улице Кулдигас (на скамейке – собака Чарли).

Слева дом, в котором жила Мими, а позднее была гипсовая мастерская Эльмара Ривоша. Фото ок. 1940 года

шрифтом), сделанные советской цензурой (около 100 страниц), в том числе и в тексте из «Записок» Эльмара Ривоша. В 1995 году «Черная книга» была издана на немецком языке в Германии, а в 2002 году — на английском в США. Возможно, существуют и другие издания. Впервые короткие фрагменты из записок Э. Ривоша были опубликованы в переводе на латышский язык во 2-м номере журнала *«Padomju Latvijas Sieviete»* («Женщина Советской Латвии») за 1961 год под названием «Свидетельство против смерти» с рисунками художника А. Ритова. Упомянутые две главы были опубликованы в сокращении в переводе на идиш в 5—6-м номерах журнала «Советиш Геймланд» («Советская Родина»; журнал Союза писателей СССР, издавался в Москве в 1961—1991 годах). Текст «Записок» в редакцию журнала передал И. Эренбург, и публикация была озаглавлена *«Цвишн лебн ун тейт»* («Между жизнью и смертью»). Под этим же названием он был опубликован на языке оригинала — русском в 1987 году в сборнике «Год за годом» (№ 3), в котором по-русски печатались материалы журнала «Советиш Геймланд» разных лет. В 1993 году фрагменты этого текста под названием «Рижское гетто» были включены в сборник «Книга спасения» (Сост. Л. Коваль. Т. 1. Юрмала. 1993). Эти же фрагменты в переводе на немецкий язык в 90-е годы (издание не датировано) вышли отдельной брошюрой (*«Das Rigaer Ghetto. Aufzeichnungen eines Überlebenden»*) в Берлине (издатель Общество контактов со странами бывшего Советского Союза). В 1996 году главы «Начало конца» и «Началось» под названием «Мое гетто» фрагментарно печатались с продолжением в газете «СМ-сегодня» в Риге (22—24, 27, 30 апреля; 4, 7, 9, 14—16, 21, 23, 29 мая; 5, 11, 12, 18, 20, 26, 27 июня; 2 июля). Здесь главы «Начало конца» и «Началось» публикуются очищенными от последующих искажений — по тексту авторской рукописи с уточнениями, сделанными в двух прижизненных машинописных вариантах.



Самуил Гуревич.
Фото 1926 года

После нескольких часов работы в мастерской заехал домой, не помню в котором часу. Аля возится у радио, ищет новости, и вдруг — речь Молотова². Сердце остановилось. Свершилось то, чего все ожидали. Война. Пять букв — море слез, ужас без границ. В этот момент все личное как будто померкло, его не стало. Всего захлестнуло какое-то неиспытанное чувство — подъем ли, патриотизм, ненависть или просто первобытное чувство желания борьбы — точно трудно определить. Сейчас же, скорее вступить в ряды бойцов. Нельзя стоять в стороне. Этих чувств забыть нельзя никогда.

Все дома как-то замерли. Настала жуткая тишина. Тишину нарушил возглас дедушки³, что не надо было отправлять Диму, и правда, в такое время дети должны быть при матери. Решаем сейчас же за ним поехать. Звоним на станцию, чтобы узнать расписание поездов. Отвечают, что расписание недействительно.

Вспоминаю про мотоциклет, но у меня нет бензина. С большим трудом, за хорошую плату получил несколько литров на улице у какого-то шофера и помчался на взморье.

² В. М. Молотов, в то время глава правительства СССР, выступил по радио 22 июня 1941 года в 12 часов с заявлением о нападении Германии на Советский Союз.

³ Имеется в виду тесть автора Самуил Львович Гуревич.

Взморское шоссе безлюдно. Над головою реют самолеты. Сердце стучит, как мотор. Неясные мысли и опасения. Мы недалеко от границы. За несколько дней... Кто знает? Не хочется верить, и все же полная уверенность, что не недели и месяцы, а дни. Сколько?

Проехал полпути. Проклятие, заедает поршень в моторе. Масла нет, забыл проверить бак. Машина стала. Время идет. Шоссе как вымершее. Решаю ждать на месте оказии. Может, кто проедет, и можно будет перехватить масла. Лежу на травке. Надо мной синее летнее небо. В лесу неподалеку чирикают птички. Как хорошо жить на свете. Как прекрасна жизнь, а над этой прекрасной жизнью уже навис гвоздями подбитый сапог. Скоро он на нас наступит, и останется воспоминание о чем-то прекрасном. Больше ничего.

На границе уже идут бои. Что и как, еще ничего не известно.

Лежу, думаю, а часы идут. Начинаю подумывать, не оставить ли мотоциклет и не пойти ли на взморье. Решаю еще ждать.

Со взморья приближается легковая машина, может быть, повезет. Остановливаю ее и, по странной случайности, [это] машина адвоката Свердлина, хорошего знакомого. Узнаю от него, что немцы перешли границы и быстро продвигаются вперед. Наше радио этого не сообщает, но что это будто бы так. Получил масло и с тяжелым сердцем продолжаю путь. Смешно, я в пути уже три часа вместо двадцати минут!

В Булдури⁴ нахожу дачу детского сада в лесу, в чудном месте. Дом как вымерший. Нахожу начальницу. Узнаю от нее, что была Аля, но, найдя Диму в таком чудном состоянии и настроении, решила его еще оставить и ушла на станцию. Помчался за ней и поймал ее перед самым приходом поезда. Настаиваю, чтобы мальчика забрали, и Аля нехотя соглашается.

В детском саду еще мертвое царство — детки спят после обеда. Димочка спит сладким сном. У него нет сомнений, он ни о чем дурном не думает. Он никому не причинил еще зла, чего же ему бояться? За что и кто его обидит? Аля тихо, чтобы не разбудить других, укладывает его вещи, осторожно будит его, одевает. У нее почему-то на глазах слезы. Провожая их на вокзал.

⁴ Булдури — дачный поселок на Рижском взморье. Историческое название — Бильдерлингсгоф, ныне часть города Юрмалы.

* * *

Был налет на аэродром. Говорят, сильно бомбили. Все время тревоги. Объявили мобилизацию, но ее почему-то не проводят, видно, не доверяют. Население загадочно, еще точно не знает, за кого быть. Нужно поставить на правильную лошадь. Из трусости перед возможными победителями хотят быть храбрецами с побежденными, но пока еще не знают, кто кем будет. Знакомые латыши только загадочно улыбаются.

Слушали речь Эренбурга по радио. Хороша, немного лишнего пафоса. Сводки с фронта пустые, нужно читать между строк, а там много, очень много худого.

В Рабочую гвардию записываются добровольцы. Я записался как мотоциклист-вестовой.

У меня жена, двое детей, мать. Я их всех люблю, а вдруг они стали чем-то второстепенным. На первом месте борьба с врагом. Я убежденный антимилитарист, и вдруг такая перемена. Чем, как это объяснить?

К чести мамы и Али, они ни минуты меня не отговаривали, приняли это как должное. Уговариваю Алю забрать детей и постараться уехать в Союз. Она отказалась наотрез — пусть будет, что будет, но она стариков не бросит. Глупая, чем она им поможет?

* * *

Ночью наш отряд неподалеку от Спилве — *Serumstacija*⁵. Там спускаются диверсанты. Глупое положение — у нас раненые, а не удалось никого поймать. В тебя стреляют, а ты не знаешь, откуда. Мы еще в тылу, а находимся среди врагов⁶. Нужно отдать справед-

⁵ Спилве — район лугов в нижнем течении Даугавы (Западной Двины) на левом ее берегу, где с 20-х годов существовал аэродром. *Serumstacija* — серологическая станция (*латыш.*) Латвийского университета в Клейсты.

⁶ Имеется в виду пронацистское подполье, организация и деятельность которого координировалась германскими спецслужбами через своих агентов — бывших офицеров латвийской армии (А. Плеснерс, В. Деглав и др.). Некоторые отряды (в Латвии их было до 20), насчитывавшие по несколько десятков боевиков, нападали на отступавших красноармейцев и расправлялись с пытавшимися эвакуироваться в советский тыл мирными жителями или передавали их гитлеровцам. Череда огневых точек у Центрального вокзала и вдоль главной магистрали города — улицы Бривибас



Анна Гуревич.
Фото 1926 года

ливость, работают они умело, хорошо еще, что стреляют не слишком метко. И то спасибо.

Сведения с фронта все хуже. Сомнения нет — наши отступают. За городом встречаются оставленные на произвол судьбы военные грузовики. Стекла разбиты, видны следы осколков и пуль. Визитные карточки войны. Ночью проходят танки и артиллерия. Идут с запада на восток. «Перегруппировка сил». Ой ли?

Последние числа июня. Мы меняем место стоянки. Куда идем — не знаем, говорят, на правый берег Двины, в город ли, за город — неизвестно.

На один час отпустили домой. Бедные, проводят бессонные ночи — все тревоги, да стрельба. Мама, Аля и Анна Григорьевна⁷ заметно осунулись, бабушка как будто совсем оглох. Дети и собаки тоже нервничают. Димочка все караулит сигнал тревоги, чтобы о нем оповестить.

недвусмысленно свидетельствовала о том, что в последние дни июня 1941 года здесь велась организованная охота на людей. Затем некоторые из этих отрядов преобразовались в «силы самообороны», деятельность которых, по замыслу германских секретных служб, должна была быть кратковременной и ограничиться расправами с советскими активистами и еврейскими погромами, однако какой-либо роли в завоевании и контроле территории для них предусмотрено не было.

⁷ Имеется в виду теща автора Анна Григорьевна Гуревич (урожд. Ратнер).

Пришел муж Мэри (двоюродной сестры). Он комсомолец и тоже доброволец. Мэри у родителей в Двинске, не сегодня-завтра должна родить. Человек он спокойный и флегматичный. Сидел с мамой и рыдал как ребенок. Говорил ей о своей любви к Мэри, о том, что он идет умирать, оставляя ее в таком состоянии на руках больных стариков. Я и он друг другу чужие люди, мы были друг другу даже антипатичны. В этот день мы с ним поцеловались, как братья. Первый и последний раз в жизни. Он честно умер.

Больше всех следует жалеть женщин — жен и матерей, когда они остаются после ухода мужчин на бойню. Ни мама, ни Аля не рыдали. (То, что они пережили, я узнал потом.) Одно утешение: они остаются не совсем одни. Остался при Але и детях мой верный К[арлис]⁸. Он их не оставит. Простой парнишка, а какой благородный. Правда, он мне многим обязан, но в такое время, как сейчас, каждый думает о себе, а не о других. Прощаюсь. Мама сдала, Аля держится молодцом. Ни слезинки. В последний раз мы вместе как свободные люди.

* * *

Наш отряд идет на правый берег Двины. У моста море людей. Часть плывет в город — та, которая не ждет немцев, другая, которая их ждет, — из города в Задвинье. Жаркий день. На душе у нас тяжело — как-никак тоже отступаем. Наше место назначения — Центральный рынок. Не успели остановиться, как попали под обстрел. Откуда, где те, кто в нас стреляет? Взламываем двери рынка — пусто. В подвалах рынка перепуганная публика, безвредная.

Я в разъездах по городу. На Московской [улице] становлюсь мишенью автоматического ружья. Даю полный газ и проезжаю без царапины. День подходит к концу. На площади между каналом и железнодорожной насыпью копаем себе окопы. Патрули приводят арестованных. Большинство отпускают, некоторых расстреливают... Есть, наверно, среди них невинные. Тяжело.

Ночью перестрелка среди Красных амбаров⁹. У нас есть убитые, но мы тоже ухлопали несколько молодцов. По Московской без

⁸ Имеется в виду Карлис Муша (1919—1996) — ученик и друг автора. В части рукописи, написанной в период нацистской оккупации, ряд имен обозначены инициалами либо зашифрованы. Там, где это было возможно, они восстановлены по материалам архива семьи Эльмара Ривоша и путем более широких архивных изысканий.

⁹ Товарные склады в районе рижского Центрального рынка.



У моста через Двину в Риге.
Фото ок. 1940 года

конца идут танки. Погода испортилась — дождь и стало прохладно. Утром начала проходить пехота, пока еще в относительном порядке. Постепенно стала принимать подавляющий вид.

Проходит стадо несчастных, затравленных зверей — бегущая армия. Жутко. Есть босые. Большинство без оружия. Проезжает грузовик, битком набитый красноармейцами. До смерти усталый пехотинец вцепился в борт и из последних сил старается взобраться. Но на грузовике уже больше не товарищи, а обезумевшие люди. Удар сапога в лицо — и пехотинец на мостовой. Как поленья дров, лежат раненые и обессиленные на телегах. Лошади в мыле, еле плетутся. Под виадуком появилась какая-то женщина с ведром кислых огурцов для солдат. Вмиг ведра не стало, а из-за огурцов было пущено в ход оружие. Как быстро люди теряют человеческий облик.

Пришли несколько евреев из Литвы. Значит, в Литве уже немцы. У нас все еще поговаривают, что это маневр, что хотят окружить всю немецкую армию и ее уничтожить. Блажен, кто верует.

Два дня нас кормят рыбными консервами, закусываем кислыми огурцами. Хлеба не получили. У большинства болит живот. Не удивительно. Третью ночь не смыкаем глаз. Все охотимся. Результаты не блестящие. Диверсанты — ловкие ребята, стреляют тогда, когда уверены, что их не смогут поймать.

Появляются отдельные группы бегущих из районов Митавского шоссе, по-видимому немцы уже заняли Митаву¹⁰. Скоро будут у нас. В городе пожары. На левом берегу ожесточенная стрельба. У нас новые окопы, у самой Двины. Я большей частью в разъездах. Странно, часть наших командиров испарилась. Вообще не разберешь, знакомые лица исчезают, появляются чужие. Сильная артиллерийская стрельба. Над нами совершают свой путь снаряды. Жужжат. С Задвинья доносится пулеметная стрельба и как будто, изредка, — стрельба из малокалиберных пушек. Неужели немецкие танки?

Перед нами Заячий остров, что на том берегу — не знаем. У склона железнодорожной насыпи оживление, наши что-то очень нервно застреляли. Так и есть — немцы. На мосту ясно видны сине-серые танки, приближаются к нашему берегу. Вдруг воздух рассекает невероятной силы взрыв. Весь мост заволакивает дым. Он взорван. Перебрались всего несколько стальных жуков. Наше орудие открывает по ним прямой огонь. Они отстреливаются. Для них нет отступления. Несколько человек сдалось, их уводят, что с ними стало — не знаю. Мы, как дети, в первый момент торжествуем — «отбили атаку». Чушь, чепуха.



Набережная в Риге в июньские дни 1941 года

¹⁰ Митава — историческое название Елгавы, уездного города в Латвии, в 40 километрах от Риги. В прошлом — столица Курляндского герцогства, в составе Российской империи центр Курляндской губернии.



Заячий остров в Риге.
Фото 1939 года

Наступает некоторое затишье. Регулярных войск у нас не видать. Начальства все меньше и меньше. Каждый как будто сам себе хозяин, рядовой и начальник.

Приходят обидные и злые мысли. Стараешься логически думать и разобраться в создавшемся положении. Рассуждаю так: красное командование Ригу решило сдать, это ясно. Красная армия уходит, нас оставляет. Считаю, что как материал мы лучше: мы все добровольцы, идейные люди; большинство всякой армии рекрутируется по распоряжению. Мы все погибнем просто так, по халатности начальства, без всякой пользы. Становится больно и обидно. Если начальство решило нами пожертвовать, ладно, хорошо, так дали бы хотя бы хорошее современное оружие, а не добро латышских айзсаргов¹¹.

¹¹ Айзсарги (латыш. *aizsargs* — защитник) — массовая военизированная националистическая организация в Латвии, созданная в марте 1919 года для борьбы с большевиками. Действовала сначала на обязательной основе, а с 1921 года — на добровольной. Послужила основной силой в осуществлении антиконституционного государственного переворота 15 мая 1934 года и была главной опорой авторитарного режима К. Ульманиса. Вместе с женскими и детскими организациями к июню 1940 года достигла численности около 68 тысяч человек и практически пронизывала все общество. Была разоружена и ликвидирована советской властью в июле 1940 года, часть членов организации были репрессированы. Во время германской оккупации бывшие айзсарги явились одним из основных резервов нацист-

Не помню, когда точно, но через несколько часов с Московской проносятся несколько грузовиков. Один останавливается спросить дорогу... на Эстонию. Ловко. В свою очередь, спрашиваем, в чем дело. Говорят, что немцы на Ригу идут со стороны «Квадрата»¹², Двину перешли выше. Лейтенантик на грузовике предлагает пару [человек] взять с собой, говорит, смывайся, кто может.

Словом, все кончено. Песенка спета, теперь можем умереть «героями». Становится тоскливо из-за всей этой бессмыслицы. Правда, у меня мотоциклет, могу тоже попробовать [двинуться] на Эстонию, но зачем? Для чего? Наша армия бежит, для чего после этого еще жить? В душе назревает решение: я все равно кончен, так перед

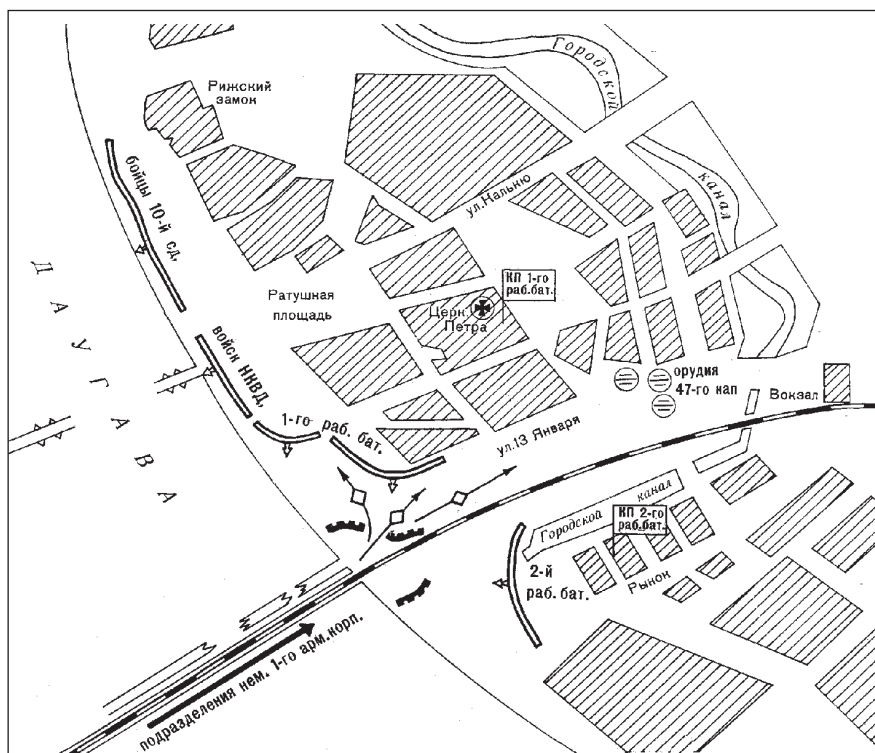


Схема обороны Риги в июньские дни 1941 года (по В. И. Савченко)

ских коллаборационистов. В мае 1990 года организация возобновила деятельность как общественная, однако она малочисленна и ее популярность ничтожна.

¹² «Квадрат» — фабрика резиновых изделий, была основана в 1924 году. Расположена в другом конце Московской улицы.

самым концом пусть хоть день буду поддержкой своей семье. Меня все равно расстреляют, так пусть Аля знает, как и где я погиб. Довольно, раз на нас насрали, насрать и нам.

На мотоциклетке не стоит — куда я с ней денусь. Ладно, пошел, сажусь на первый попавшийся велосипед. *Sveiki!*¹³ Теперь осуждаю себя — должен был погибнуть на месте. Единственное, чем себя оправдываю, — тем, что бросил свое место не из трусости. Если бы хотел спасти свою шкуру, то попытался бы поехать в Эстонию, потому что, оставаясь, не сомневался, что все равно расстреляют.

Грязный, оборванный являюсь к друзьям. Помылся, покушал, лег и заснул. Не слышал ни бомбежки, ни стрельбы.

Утро, 1 июля¹⁴. Вышел на улицу. Тихо. Вижу, выбегают несколько человек, смеются, обнимаются. На одном из домов вывешивают



Немцы в Задвинье
у Железнодорожного моста
29 июня 1941 года.
Кадр из немецкой военной
кинохроники.

¹³ Привет! (*латыш.*)

¹⁴ В этот день германские войска заняли правобережную (центральную) часть Риги, овладев, таким образом, всем городом.



Орудие защитников Риги у Центрального рынка.
Июнь 1941 года

красно-бело-красный флаг¹⁵. Проходит группа парней. Перед флагом взлетают шапки, раздается «*Lai dzīvo!*»¹⁶. По улице *Pulkveža Brieža* проходит отряд солдат — немецких. В петлицах у них цветы, им кричат «ура!». Латыши поставили на немецкого коня (надолго ли?). Теперь смогут быть героями против другого. Горе побежденным. *Le roi est mort, vive le roi!*¹⁷

Жизнь — качели. Год тому назад другие кричали «ура!», а сегодняшние счастливы в душе носили смерть. В этот день наоборот.

В следующий раз от души кричать «ура!» будет почти некому, кричать будет часть сегодняшних крикунов.

У немцев все делается по «закону». Евреи и коммунисты на законном основании становятся вне закона. Воры собак не любят, но когда вор забирается в чужой огород или собирается взламывать двери, то он собаку угощает. Немцы латышам бросили кость — евреев. Латыши (большинство) зубами в эту кость вцепились. Кость оказалась жирная. Пир горой. После пира бывает похмелье. Оно придет рано или поздно. Оно не за горами.

¹⁵ Государственный флаг Латвийской Республики, постепенно выведенный из употребления в течение года советской власти.

¹⁶ Да здравствует! (*латыш.*)

¹⁷ Король умер, да здравствует король! (*фр.*)



Рига.
В Старом городе
1 июля 1941 года

Откуда-то появились латыши-добровольцы, с повязками национальных цветов¹⁸ на рукаве. По несколько человек, иногда в сопровождении немца, [они] начали обходить дома. Дворники должны указывать квартиры евреев. Приходили, обыскивали, били, забирали ценные вещи, большинство мужчин забирали.¹⁹

¹⁸ То есть с красно-бело-красными. С 8 июля нацистский оккупационный режим запретил латышам использование национальной символики и распустил созданные ими после начала войны организации (Латвийский организационный центр, «силы самообороны» и др.) как самозванные. Вместо них нацистами стала создаваться латышская вспомогательная полиция порядка (вступившие в нее носили зеленые повязки с надписью *Hilfspolizei* — вспомогательная полиция).

¹⁹ Речь идет о так называемых «ночных акциях», посредством которых был достигнут эффект террора после того, как гитлеровцам не удалось спровоцировать в Риге «стихийные» еврейские погромы. Группы грабителей в составе двух-трех вооруженных лиц вламывались в квартиры, загоняли жильцов в одну комнату, требовали от них деньги и драгоценности, обыскивали и громили квартиры. В первые дни июля они часто сопровождались арестами евреев-мужчин, однако для их участников, помимо устра-



Рига. В сквере перед Оперой 1 июля 1941 года

В префектуре²⁰ объявился «штаб» «*Pērkonkrusts'a*»²¹. Без ведома немцев — они это считают осквернением расы — приводили [в «штаб»] еврейских женщин — помоложе и покрасивее. После «осквернения» своей расы и облагораживания еврейской расы [женщин] в большинстве случаев «арестовывали» — пулей.

шения, эти акции не имели иных мотивов, кроме грабежа. Впоследствии из участников «ночных акций» сложились банды грабителей, которые в поисках добычи продолжали налеты на еврейские квартиры вплоть до закрытия гетто.

²⁰ Имеется в виду здание на бульваре Аспазияс, 7, выходящее другими фасадами на улицу 13 января и городской канал и ныне занимаемое управлением полиции Риги. Здесь в первые дни нацистской оккупации находился руководитель эйнзацгруппы «А» полиции безопасности и СД Вальтер Шталеккер и назначенный нацистами префект (начальник) рижской полиции Роберт Штиглиц — бывший руководитель агентуры Политического управления (спецслужбы) Латвии (после войны бежал в Бразилию). Здесь же находились штаб и боевики «самоохраны».

²¹ В действительности «штабом» местной фашистской организации «*Pērkonkrusts*» («Громовой крест»; была запрещена латвийскими властями в начале 1934 года, возобновила деятельность с началом нацистской оккупации) служил дом по улице Валдемара, 19, ранее принадлежавший еврейскому банкиру Арону Шмулянцу.



Привокзальная площадь в Риге.
Слева видно трехэтажное здание префектуры.
Фото 30-х годов

Решил попытаться попасть домой. Оказывается невозможным — мостов еще нет, а пароходное сообщение будет завтра. Еще ночь остался у друзей, но у других — те побоялись.

Стыдно, как все заругали большевиков. Ругают за все. Вчерашние «большевики» стали ярыми националистами. Есть и среди евреев такие. Надеются этим спасти свою шкуру. Дудки.



Советские военнопленные
на улицах Риги.
Июль 1941 года

***Tā Rīgā dega bojševiku un žīdu
aizdedzinātā Sv. Pēterā baznīca***



«Так в Риге горела подожженная большевиками и жидами
церковь Св. Петра».

Фото из газеты «*Tēvija*» за 8 июля 1941 года

Не знаю, что дома, живы ли?

Утром поехал за Двину. На улицах не видать ни одного еврея. Прогоняют группу пленных. Сердце сжимается. Милые, родные. Разбили нашу армию. У пароходика давка, народу тьма, с трудом попал. Все говорят об «освобождении» и вине... евреев, конечно. Евреи сожгли Ригу, взорвали мосты, Петровскую кирху²² и т. д. Группа подвыпивших поет:

*Nu tik brāļi naigi, naigi
Sviediet žīdus Daugava, utt.*²³

Если бы во мне узнали еврея, поплавал бы, без сомнения. Две недели тому назад они еще говорили «товарищ» и старались быть стахановцами²⁴.

²² Имеется в виду рижская церковь Святого Петра, на башне которой находился наблюдательный пункт защитников города. 29 июня 1941 года церковь загорелась в результате обстрела Старого города германскими войсками, находившимися в Задвинье.

²³ Ну, теперь проворно, братцы, / Кинем в Даугаву жидов и т. д. (*латыш.*)

²⁴ Стахановское движение (названо по имени его зачинателя А. Г. Стаханова) — движение работников в СССР за повышение производительности

Окольным путем подъезжаю к нашему дому. Волнуюсь. Дом цел, узнать бы скорей, целы ли все в доме. Первой встречаю Мими²⁵. Она с плачем кидается меня целовать. (До моего ухода мы были «политическими противниками».) Выбегает мама и не верит своим глазам. Аля, оказывается, поехала в город искать меня по знакомым. Во всем доме вылетело только одно окно и одна дверь поцарапана пулей. Все здоровы. Пережили много страха. Аля все время держалась, но сегодня ее нервы сдали, рассказывает мама, и она решила, если меня не найдет живым, покончить с собой. Говорится так, а пишется иначе, кто знает.

В нашем доме тоже искали мужчин, но не найдя никого и никаких ценностей, ушли, только поугав. Жду Алиного возвращения. То, что я жив, она знает, раз она пошла к друзьям. К[арли]с оказался полной поддержкой, ни на минуту не оставлял Алю с детьми. Нашел его в детской с Димой, который был не прочь, чтобы К[арли]с был его папой вместо меня.

Вскоре пришла Аля. Как мы встретились, не стоит описывать, скажу только, что мы друг друга любили, дали друг другу счастье, что мы думали, что навсегда друг друга потеряли. Мы испытывали



Мелания Миллер (Мими).
Фото 1928 года

труда и лучшее использование техники. Возникло в 1935 году в угольной промышленности Донбасса.

²⁵ Имеется в виду Мелания Миллер (1894—1944) — в прошлом няня жены автора Ольги, а впоследствии их дочери Лидии.



Особняк Розенталей на улице Кулдигас.
Современный вид

мгновения счастливого горя. Эту ночь мы почти не спали. Поцелуями осушали друг другу слезы. Все ждали, что залает собака. С тоскою ждали воздушной тревоги, но ее не было.

В соснах²⁶ раздавались отдельные выстрелы. Там песок, легко копать, к тому же безлюдно. Наш дом старый, непривлекательный, знают, что люди мы небогатые и, значит, недоходные. Нас возьмут, когда будет меньше крупных дел. Когда клюет щука, ерша бросают. Ночь прошла без событий для нас, но для соседей? Это мы узнаем утром.

Напротив нашего дома, по другую сторону улицы, стоит дивный особняк. Принадлежит он двум еврейским семьям Р[озенталей]. Одну из них увезли советские власти как буржуев и ненадежный элемент²⁷. Люди они очень богатые, слов нет. Этой ночью у них

²⁶ Имеются в виду Агенскалские сосны — сосновый бор, покрывавший песчаный дюнный вал в Задвинье, на территории бывшего имения Шварцгоф. В 1958—1962 годах на этой территории был построен микрорайон типовых жилых домов со свободной планировкой.

²⁷ В ночь на 14 июня 1941 года сталинским режимом в отдаленные районы СССР были вывезены 9926 человек. Одновременно были арестованы 4550 человек. В целом эта акция охватила 14 476 жителей Латвии. Даже если



Еврейские женщины на уборке развалин в Риге.
Лето 1941 года

побывали два раза, два различных «патруля». Забрали часы, деньги, ценности, хотели арестовать, но за солидную прибавку оставили, успокоив, что еще заглянут. Грубостей на прощание не пожалели и надежду на скорое свидание тоже оставили.

В соснах лежат несколько застреленных евреев из Торенсберга²⁸. Кто они — не знаем. Лично их не видел, рассказывал сосед.

Приехал друг К[арли]са из С[алдуса]а. Там было всего пятьдесят евреев. Их всех в одну ночь застрелили²⁹. Одну десятилетнюю де-

принять, что евреев среди них было не 5000 (наиболее распространенная оценочная цифра), а 1771 человек (что подтверждается имеющимися в распоряжении историков архивными документами), то при доле 4,8 % в общей численности населения Латвии евреи составляли 11,7 % репрессированных, т. е. наивысший процент среди этнических групп.

²⁸ Торенсберг — историческое название района Торнякалнс в Задвинье. Происходит от находившейся здесь в XV—XVII веках сторожевой Красной башни. С XVIII века — дачный район, место отдыха рижан, в XX веке — промышленный район и железнодорожная станция.

²⁹ По последней довоенной переписи населения (1935 год) число евреев — жителей Салдуса составляло 329 (из 4410 человек общей численности населения). Салдусские евреи в большинстве были расстреляны у озера Балтэзерс в окрестностях Броцены в июле 1941 года. Обстоятельства их гибели пока не исследованы. В отличие от крупных городов Латвии (Рига, Даугавпилс, Лиепая), где уничтожение евреев на первых порах было «изби-

вочку, которая у одного мужика пасла коров, оставили мужику под тем условием, что он осенью должен ее прикончить. Когда он это рассказал, не хотелось верить.

Пришла дворничиха с заявлением, что все должны регистрировать велосипеды, где-то в конце улицы Бривибас. Решили сейчас же поехать: Аля, К[арли]с и я.

Через Двину саперы уже навели мост. В городе новое, в Риге еще не виданное зрелище — рабы. Группы евреев, почти все женщины, работают по уборке развалин. Улицы полны войск. По *Brīvības ielā*³⁰ тянутся моторизованные части. Не хочется глядеть, а смотришь и удивляешься. Орудия, машины, войска — как на параде. Немцы уверены, что едут прямо на Ленинград. Нам с Алей не хочется допустить такой мысли, но в душу закрадывается сомнение. Слышны иронические разговоры о «*neuzvaramā*»³¹.

После регистрации велосипеда я с К[арлисом] поехал домой, а Аля — к своим родным узнать, что у них. Приехав домой, она рассказала следующее.

Была у «толстых» [Гуревичей]. Лева и Люша забраны. Тетя Машута³² ходит на «работу» по уборке кирпичей и мыла полы в префектуре. Для старой буржуазной женщины самое подходящее занятие. При других обстоятельствах, может, и полезное. Почти все знакомые мужчины пропали. Большинство забрали ночью. Часть просто хватали на улицах. «Аресты» идут вовсю. Старика Бориса Л[ьвовича] Г[уревича] тоже забрали. Уж такому закоренелому буржую дали бы спокойно умереть.

Все синагоги сожжены с мертвым и живым инвентарем. Для эффекта приводили забранных евреев — мужчин, женщин и детей и к интересу, а может, и к удовольствию толпы предавали *auto-da-fé*³³. Словом, народ веселится вовсю. На дворе префектуры всякие игры, в том числе и маскарад, и спорт, и тренировка — в боксе преимущественно, фотографируют еврейских «чекистов» с револьверами и зверским видом допрашивающих свои жертвы.

рательным» и где у них был шанс на спасение, в малых городах и сельской местности оно носило тотальный характер.

³⁰ Улица Бривибас (*латыш.*).

³¹ О «непобедимой» (*латыш.*). Речь идет о Красной армии.

³² Имеется в виду Мария Ивановна Гуревич (урожд. Вайнкоп) — жена Захария Львовича Гуревича, брата тестя автора.

³³ Букв. «акт веры» (*португ.*). Акт оглашения приговора инквизиции, а также само исполнение приговора (сожжение на костре).



Мария Гуревич.
Фото 1926 года

Через некоторое время самыми богатыми людьми в городе станут дворники. Если они не могут спасти своих жильцов, то зато отправить [их] на тот свет могут одним словом, а иногда просто молчанием. Такое счастье на улице не валяется и бывает раз в жизни. Последний дурак, кто не возьмет такое счастье в руки. Как ни странно, дураков оказалось очень-очень мало: в больших богатых домах квартиры дворников уже ничего не могут вместить, и добро путешествует к родственникам. С каждым днем дворники становятся умнее, энергичнее и нахальнее. К хорошему люди быстро привыкают.

От Али узнали, что не сегодня-завтра надо будет нацепить [на себя] звезды³⁴, к сожалению, желтые, а не красные. Что же, в этом ничего обидного нет. Еврейские националисты должны были бы ликовать. Плохо то, что желтые звезды — только одни из первых весенних цветочков. За ними поспеют и ягодки. И еще какие.

Многие из евреев устремились на Московский форштадт в поисках квартиры. Квартиры евреев в аристократических районах конфискуются. Жильцов просто или выселяют, или «арестовывают». Квартиры конфискуются, конечно, в нетронутom виде, со всем добром.

³⁴ В Риге регистрация евреев началась 25 июля 1941 года. Зарегистрированным выдавалась особая регистрационная карточка с предписанием носить на груди слева желтую шестиконечную звезду диаметром 10 сантиметров. (Это правило было введено с 28 июля.)

Странное дело, наши тюрьмы обладают неограниченной вместительностью — сколько ни пихай, все влезают³⁵. Дело становится ясным, если вспомнить, что в тюрьмах имеется не только одна дверь, в которую вводят. Есть и другие — из которых выводят. Пользуются этими дверьми как будто в одинаковой мере. В одни вводят, в другие выводят — на свободу, в Бикерниекский лес³⁶. В Бикерниекском лесу работают советские пленные, занятые рытьем ям. Бояться нечего, без работы они не останутся, герои о них позаботятся. В общем, как ни говори, лучше в лесу, чем в синагоге. При всех случаях жизни и... даже смерти. В общих чертах это все, что мы узнали от Али.

По распоряжению властей, евреям запрещено стоять в очередях за продовольствием, [они] имеют право покупать только после того, как из очереди все получили желаемое. Скоро будут специальные магазины для евреев. Практически это равносильно запрету вообще покупать, так как в магазинах после очереди пусто и нечего покупать. В больницах евреев не принимают — строго запрещено.

В газетах дикая травля, не знаю, для чего. И так все патриоты стараются. «*Tēvija*»³⁷ посвящает много строк жуткой кровожадности еврейки: когда «арийские» женщины хотели ее прогнать из очереди, та в ярости ударила одну из блюстительниц порядка бутылкой для молока. Виновная, конечно, понесла должное наказание.

³⁵ Речь идет о рижской Центральной тюрьме (улица Маза Матиса, 3), куда уже начиная с первых дней нацистской оккупации стали свозить арестованных евреев-мужчин, большинство из которых потом были расстреляны в Бикерниекском лесу. Небольшая их часть были расстреляны на тюремном дворе и зарыты на находящемся прямо у стен тюрьмы кладбище Матиса. По неполным немецким данным, только за первые две недели оккупации (с 1 по 15 июля 1941 года) в эту тюрьму были заключены около 2400 евреев; почти все они были расстреляны.

³⁶ Бикерниекский лес — район Риги, где уже в июле 1941 года местные пособники гитлеровцев расстреляли первые несколько групп евреев; в целом там было убито несколько тысяч местных и привезенных из других европейских стран евреев, а также советских активистов, антифашистов, пленных красноармейцев — всего, по данным судебного процесса 1946 года (Рига), более 46 тысяч человек; по оценкам современных историков, число убитых и погребенных там латвийских и иностранных евреев колеблется около 20 тысяч, а жертв всех категорий — около 35 тысяч человек. В 2001 году в Бикерниекском лесу был открыт мемориал.

³⁷ «*Tēvija*» («Отечество») — ежедневная газета, издававшаяся гитлеровцами на латышском языке в июле 1941 — апреле 1945 года (сначала в Риге, затем в «Курляндском котле»).



Руины Большой хоральной синагоги в Риге,
сожженной 4 июля 1941 года (впоследствии были снесены).

Фото 40-х годов

*Veritas vincit!*³⁸ Когда читаешь газету, спрашиваешь себя: неужели это XX век, неужели люди, которые пишут и читают это дерьмо, в это верят? Культура, прогресс. За них воюют, проливают кровь. До того «смешно», что хочется плакать. Для своего удовольствия эта женщина в очереди не стояла, а, по всей вероятности, — за молоком для своих детей. О том, что эти дети получили вместо молока, газета умалчивает. Но мы догадываемся.

По сравнению с городом у нас в Задвинье рай. Евреев очень мало, на улицах вообще не видать, так что вопрос не такой занятный. Бедные Розентали, их без конца навещают. Бывает время, когда богатство — горе. Розентали для нас, как громоотвод. Невольно раньше решают зайти к ним, а после этого уже не хотят мараться о нас. Заглянули раз, оглядели квартиру, обстановку и с презрением смылись; меня не видели.

При нашем [полицейском] участке тоже «*žīdu punkts*»³⁹ для работы. Многих евреев нашего района уже потащили, ждем с минуты на минуту [того же]. К[арли]с каждый день уезжает за город на вело-

³⁸ Правда побеждает (латин.).

³⁹ «Жидовский пункт» (латыш.).

сипеде за молоком для моих детей. На деревне начался сенокос, и я решаюсь, чтобы меня поменьше видели, отправиться с К[арлис]ом косить сено — лицо мое там незнакомо, а спрашивать, кто я, может, и не будут.

Был на Садовой⁴⁰ у Наты Бекер (бывш. Берлин). Она одна с маленьким ребенком и слепой матерью. Ее тоже чистят, благо богатая квартира. С ней был курьезный случай. Немец обыскивает квартиру, ящики, сундуки. В одном из сундуков наткнулся на портьеры. С торжественным видом вытащил их — наконец-то, чего никто не нашел, нашел он — занавес масонской ложи. С трудом ей удалось его разочаровать.

Новое распоряжение: евреи должны сдать радиоаппараты⁴¹. Беда не из великих. Приятных новостей не сыщешь. Если верить немцам, то войне уже скоро конец. Великан на «глиняных ногах» уже будто бы качается. Чтобы только их не раздавил при падении. Цыплят, говорят, по осени считают.



Советские военнопленные
на «земляных работах»

⁴⁰ Садовая — историческое название улицы Дарза.

⁴¹ Имеются в виду радиоприемники (латыш. *radioaparāts* — радиоприемник). Их предписывалось сдать до 27 июля 1941 года.

Газеты — шедевр. Если евреям не приходилось бы так тухло, должны были бы гордиться. Подумать, на всем свете около 17 миллионов было до немецкой генеральной чистки, а владеют всем миром. Если верить гитлеровской теории, то евреи и впрямь Богом избранный народ. В самой Германии был, кажется, неполный миллион, а ею владели. Что же говорить о России, русский же — «ско-тина», им владеть совсем просто. Все крупные политические мыслители — евреи. Сам Сталин, если даже и не еврей, то похож на такового. Само еврейство так заразительно, что тот, кто уже рядом полежал, сам евреем становится. Вот сильный народ, правда, великий.

Постепенно приходят сведения о положении в провинции. Была Т. — Мэрина мамка и няня, она ее вырастила и любила, как мать. Она русская, «Володимерской» губернии. Она через друзей навела справки про Двинск. А[нна] Алекс[андровна] (мать Мэри) и Мария Зиновьевна пошли было из Двинска, но так как обе больны и стары, то вскоре вернулись назад. Их расстреляли, и это после того как А[нна] А[лександровна] чуть ли не всех двинских бедняков, без различия национальности, лечила даром, иногда еще оставляла лат-другой. Дядя с Мэри тоже было пошли, но, по слухам, тоже вернулись. О них точных сведений нет, но есть предположения.

В Якобштадте⁴² отличились гуманностью. Всех якобштадтских и крейцбургских евреев вывели на поле и взрослых расстреляли. Над детьми сжалились, их отравили местный фельдшер и ветеринар. Какое великодушие, прямо трогательно. Словом, пожаловаться на рвение латышских патриотов немцы не могут, недаром родственный по крови и расе народ. Какая нечистая и халатная работа была в царской России! Грабили и резали кого попало, без системы, в некоторых городах или местечках, изредка, без всякого плана. Часть устраивала погром, другая спасала, прятала и негодовала. А у нас! Все как есть взяты на учет. Ни один не спрячется. И население

⁴² Якобштадт — историческое название города Екабпилса. По последней предвоенной переписи (1935 год) численность евреев в городе составляла 793 (из 5826 человек населения). 418 екабпилских евреев были убиты «командой Арайса» при участии местной группы «самоохраны» на болоте Кукас. («Команда Арайса» (нем. *Sonderkommando Arajcs*) — добровольческое латышское вспомогательное подразделение германской полиции безопасности и СД под командованием штурмбаннфюрера (майора) СС Виктора Арайса; участвовала в массовых убийствах гражданского населения в Латвии, Литве, Польше, Белоруссии и на Украине.)

ние сознательное, дружное. Немецкая рука, дисциплина, культура двадцатого века!

Утро. У Розенталей ночью опять были два раза. В первый раз велели сдать все ценности, во второй раз двоих мужчин забрали, сказали, на работу. Чтобы таких случаев забирания на работу не было, задвинские евреи решили сами каждое утро являться на «*żi-du punkts*». Организовал это некий Берн. Аля тоже записалась. Я стараюсь быть в тени, слишком много грехов.

Пришли жильцы нашего дома с прогулки по соснам. Взволнованные, женская половина заплаканная. В соснах, недалеко от шоссе, четверо застреленных — оба Розенталя, О. Закс и А. Гейдеман. Дальше еще три незнакомых еврея.

Ирония судьбы: О. Закс — еврей, который скрывал это где только мог. Все немецкое [для него] было священо. Лошадь для верховой езды держал в одной конюшне с бароном Нольде. Мечтал в свое время выдать дочерей за немецких аристократов. Евреи, русские — фи. Большевики — не дай Бог! По немецкой милости пулей угостили.

Этой ночью не ночевал дома, спал на чердаке в другом доме. В соснах опять стреляли. Какое-то чудо, что еще живу. Я в общем спокоен, дрожат бедные Аля и мама. Осунулись, жутко смотреть.

Утром поехали к мужику на сенокос. Выехали чуть свет, росистую траву хорошо косить. Тихо. Идем по тропинкам, по сторонам луга и поля. На некоторых лугах уже пасутся коровы. Как будто нет войны, нет погромов. Приехав, приготовили косы, попили парного молока и пошли на луг. С ранней молодости не косил. К[арлис] мне дает указания и советы. Он в этом деле спец, и тут я его ученик. Постепенно вхожу в форму. После всего пережитого испытываю наслаждение, вспоминаются мальчишеские годы. Чувствую себя здоровым, молодым, и кажется странным, что, может быть, сегодня-завтра буду лежать, как дохлая собака, где-нибудь в соснах. Разум говорит: все ерунда, жизнь прожита и кончена, ты мертвец в отпуске, а кровь кричит: стой, еще ничего не известно, еще Польша не сгинела, пока мы жиемы⁴³.

Пока занят работой, хорошо, но скоро начинаешь работать автоматически, и голова и мысли снова вступают в свои права, и уже не чувствуешь запаха лугов и полей, не замечаешь, как солнце

⁴³ То есть «не погибла, пока мы живы», — слова из польского гимна.

подымается все выше и выше, не слышишь пения птиц. Мысли далеки. Пронесются события последних дней, рисуешь себе картины отступления армии, расстрелы, и среди душистого луга весь ужас встает перед тобой.

К нам на луг пришел еще помощник — друг детства моего К[арлиса]. Парень сложен как Бог. Стало жарко, и работаем в одних трусиках. От времени до времени находим соты полевых пчел. Дивный душистый мед. Собираю гостинцы для своих малышей — хоть чем-нибудь порадовать. В обед явились хозяева и соседка со своей дочкой лет семнадцати, подружкой дочери хозяина. Наблюдаю, как мои парнишки оживились. Безобидный молодой флирт среди свежескошенной травы и полусухого сена. Для них ничего не существует, кроме молодости и горячей крови. Лежу под ивовым кустом, делаю вид, что сплю, не хочу быть помехой. Лежу, и вспоминаются прожитые годы, и кажется, что и моя юность кончилась только что и что сразу, без перехода, настала душевная старость, душевная смерть.

* * *

На «*žīdu punkts*» евреев становится все меньше. Что ни день — расстрелы. Начальника — «*žīdu priekšnieks*»⁴⁴ — Янкевича подмазывают со всех концов. У него на руке новые часы-браслет, велосипед с иглолочки; говорят, несколько карманных часов [ему] домой принесли после работы. Когда евреи отучатся давать взятки? Бывают положения, когда давание взяток является преступлением. Понимаю, что и в таких серьезных случаях допустимы взятки, но коллективные.

Мы с Алей решили ему ничего не давать, пусть делает что хочет. Среди нас имеются совсем бедные люди, которые при всем желании ничем не могут подмазать, и эти страдают больше всех. Кроме моральных унижений, исполняют самую тяжелую работу.

Даже на «*žīdu punkts*» появилась аристократия. Все «смазчики», конечно, строго скрывают факт своего подмазывания. Появились зависть и интриги. Завидуют отношению, «работе». Неужели люди не чувствуют и не понимают, что в таком положении совершенно неважно, чистить ли уборную или стирать пыль с хрусталя в квартире какого-нибудь патриота? Когда тебя превратили в существо

⁴⁴ «Жидовский начальник» (латыш.).

вне закона, когда лишили человеческих прав, самых элементарных, — что тогда работа или отношение Янкевича?

К слову. Подслушанный разговор в участке. После убийства Закса, Гейдемана и других явились к начальнику несколько патриотов с докладом о своей деятельности.

Патриот:

— *Starp citu, mēs šonakt nolaidām septiņus žīdus*⁴⁵.

Начальник:

— *Par ko tad?*⁴⁶

Патриот:

— *Tā nu dusmas uznāca, bija jau apnikuši*⁴⁷.

Начальник (со смешком):

— *Mīļie draugi, tā taču nevar rīkoties, nevar taču bez kārtības*⁴⁸.

Патриот:

— *Priekšnieka kungs, kas nu tur par starpību — septiņi žīdi vairāk vai mazāk*⁴⁹.

Начальник:

— *Labi, labi, nu stāstiet tagad [kas pieder pie] lietās*⁵⁰.

Веселые разговорчики, что и говорить.

* * *

Наша дворничиха явилась ко мне с плачем. Дело в том, что меня на дворе увидел патриот с повязкой, живущий по соседству. Хотел меня забрать, но она упросила его этого не делать. Тогда он потребовал, чтобы она меня завтра утром доставила в участок. Если я этой ночью смоюсь, ее расстреляют, [и она] на коленях умоляет меня не губить ее. Успокаиваю ее, обещаю, что завтра утром с ней пойду. Петля начинает затягиваться. К сожалению, Аля тоже узнала эту новость. Бедная, второй раз меня в душе хоронит. Мне так все безразлично, что совершенно спокоен. Уверяю Алю, что ничего не случится, что [это] все — глупые страхи и т. д.

⁴⁵ Между прочим, мы сегодня ночью завалили семь жидов (латыш.).

⁴⁶ За что же? (латыш.).

⁴⁷ Да зло взяло, надоели уже (латыш.).

⁴⁸ Милые друзья, так же нельзя делать, нельзя же без порядка (латыш.).

⁴⁹ Господин начальник, ну что там за разница — семью жидами больше или меньше? (латыш.).

⁵⁰ Ладно, ладно, ну, теперь рассказывайте по делу (латыш.).

Когда знаешь, какие ужасные дела происходят кругом, собственная жизнь кажется такой маленькой, ничтожной, что кроме инстинктивного чувства самосохранения ничего нас с ней не связывает. Думал о том, что последняя ночь с Алей, что завтра в это время она, быть может, будет одна. Было тяжело, но скучно тяжело. Аля долго и искренне молилась, просила меня отказаться от атеизма и если не помолиться, то хоть почитать Библию. Чтобы ее хоть немного успокоить, прочитал вслух главу, указанную ею.

Так прошла ночь. Даже собака не лаяла, только в сонмах, как будто уже по привычке, изредка раздавались выстрелы, унося преждевременно жизнь какого-нибудь ни в чем не повинного человека.

Утром застал бедную дворничиху бледной, не выспавшейся, всю ночь в саду просидела на скамейке. *Sicherist sicher*⁵¹.

В участке отыскал стол, чтобы заявить о себе. Случаю было угодно, чтобы как раз там оказался старый полицейский Вацелис, знакомый еще со времен Сейма⁵². Протянув мне руку, подтянул меня к себе ближе, чтобы [никто] из посторонних ничего не заметил, и сказал, чтобы не рыпался и спокойно пошел бы домой, [а] он меня «незаметно» отметит, и все тут; передал даже сердечный привет маме.

Среди навозной кучи нашел жемчужину, но разве она может заставить навозную кучу не вонять?

Пойти домой я все же считал неправильным и пошел на «*žīdu punkts*» получить у начальника записку с разрешением работать у мужика. Удивительно, как мое заявление о том, что кошу луга, подействовало на «*žīdu priekšnieka*». Он стал необычайно вежлив, сказал бы, даже почтителен и обещал мне позаботиться о таком разрешении. Велел мне зайти через пару часов, и, к моему удивлению, разрешение очутилось у меня в кармане.

Вторично Аля и мама встретили меня, как воскресшего. Аля не сомневалась, что мне помогли ее молитвы. Блажен, кто верует.

⁵¹ Осторожность не помешает (нем.).

⁵² Сейм (*Saeima*) — парламент Латвийской Республики, действовавший с ноября 1922 по май 1934 года. Распушен в результате антиконституционного государственного переворота 15 мая 1934 года. Возобновил деятельность в 1993 году.

* * *

С нами начинают обращаться, как Цезарь с Европой, — по листочку, по листочку. Сразу взять всех евреев и уничтожить неловко. Могут запротестовать — как евреи, так и окружающие. Нужно и тех и других постепенно к этому подготовить. Как следующий шаг вышло распоряжение: евреи не имеют права ходить по тротуару, а только рядом с ним, по мостовой, кроме того, должны нацепить еще звезду — на спину⁵³. Это, по всей вероятности, для удобства шоферов, чтобы знали, на кого разрешается наезжать, и не тратили понапрасну труда на осторожность там, где она неуместна.

На Московском форштадте начинают огораживать несколько кварталов — строят гетто⁵⁴. Перед нами ожило средневековье. Человечество катится назад гигантскими шагами, не помогают новые достижения техники и науки.

Мими плачет, уверяет, что гетто — это мышеловка, откуда никто живым не выйдет, говорит, что это для того только, чтобы всех евреев иметь вместе, и было бы удобней [их] ликвидировать. Кто мог знать, что ее пессимизм воплотится в факт? Тогда мы думали, что это плод ее больной фантазии, что она все видит черней, чем есть на самом деле. Я рассуждал тогда так: немцы евреев преследуют — ясно, что евреи им враги. В военное время враги должны быть изолированы, и гетто не что иное, как концентрационный лагерь. То, что жизнь там будет тяжелой, это ясно, но вечного ничего нет, большая часть это тяжелое время так или иначе переживет. То, что происходит сейчас, так это переходящее время, латыши мстят евреям за советскую власть⁵⁵, немцам пока не до нас; евреи — *Kriegsbeute*⁵⁶, а потом нас посадят за проволоку и будут

⁵³ Распоряжение о ношении евреями дополнительной желтой звезды — на спине вышло 1 сентября 1941 года.

⁵⁴ О создании в Риге гетто было объявлено 23 августа 1941 года. Начальные границы Рижского гетто («большое гетто») проходили по улицам Лацплеша, Екабпилс, Католю, Лаздонас, Лиела Кална, Лаувас, Ерсикас и Маскавас (Латгалес). Из выделенных для создания гетто 12 кварталов потребовалось переселить в другие места около 7000 человек нееврейского населения. Число узников гетто на 20 ноября 1941 года составило 29 602 человека.

⁵⁵ Миф о якобы чрезмерно активном сотрудничестве евреев с советской властью в 1940—1941 годах и их активном участии в репрессиях сталинского режима против жителей Латвии навязчиво насаждался нацистской пропагандой с целью усилить антиеврейские настроения в латвийском обществе.

⁵⁶ Военная добыча (*нем.*).



У еврейского магазина
в Московском форштадте
в Риге.
Август 1941 года

выжимать из нас для себя пользу. Так приблизительно смотрели на это все евреи.

Евреям запрещено покупать в лавках, читать газеты и... курить. Продовольствие будут работающим выдавать на «*žīdu punkt'e*», а на Московском форштадте открыли несколько магазинов. Бедная мама на своих больных ногах должна ходить эту даль по мостовой, рискуя, что на нее сзади наедут, не дав даже сигнала.

Сосед, латыш, мне сказал, что не понимает евреев, как они со всем этим мирятся, никто из евреев не защищается, когда его бьют или собираются прикончить, обвиняет нас в трусости. Думаю, что евреи не храбрее и не трусливее других. Дело с нами обстоит совсем не так. Ни один народ (за исключением негров в Южной Америке⁵⁷) не может понять евреев в следующем отношении.

Все люди, неевреи, ответственны каждый за себя, а собой, своей жизнью, при случае, играть нетрудно. Еврей веками приучен, что за всякий проступок отвечает не только он, а евреи как народ. Поэтому евреями страшно легко управлять: каждый из нас знает, что

⁵⁷ Так в тексте. Вероятно, должно быть: в Северной Америке.

если он не сдержит себя, даст волю чувству протеста, ответит не только его семья, а весь коллектив, все евреи. Евреев обезоружили самым простым способом, и «храбрый еврей» не есть храбрый, а просто человек, не владеющий собой. Не знаю, как держали бы себя евреи, если бы знали, что каждый ответит только за себя; думаю, многие из патриотов поплатились бы и своей жизнью.

* * *

Аля работает приходящей [прислугой] у немецкого офицера. Убирает его квартиру, стирает и готовит обед. Она «довольна» своей работой, не все немцы сволочи. Он с ней, конечно, не вступает в беседы, это строго воспрещается, но вежлив, нетребователен и, «не разрешая», разрешает брать домой для детей съестное, устроил даже так, что она вечером, перед уходом, находит «лишние» фрукты.

* * *

Организовался так называемый *Judenrat*⁵⁸ — представительство местных евреев. Этот *Judenrat* должен заботиться о медицинской помощи, о размещении евреев и т. п. В него вошли Г. Минскер, инженер [М.] Блуменау, Кауферт, М. Минц. На рукаве у них голубая повязка со звездой, на груди и спине, конечно, тоже по звезде. Декорированы всюю. Работа у них нелегкая.

Находится *Judenrat* на [улице] Лачплеша, около Московской, в бывшей школе⁵⁹. Устраиваются всякие отделы. Родственник тащит

⁵⁸ *Judenrat* (нем. «еврейский совет») — орган, учреждавшийся нацистскими оккупационными властями для управления еврейским населением отдельных населенных пунктов, который состоял из евреев, назначенных властями, и отвечал за исполнение приказов, касавшихся евреев. *Judenrat* должен был обеспечить тысячи изгнанных из своих квартир евреев жильем на территории гетто, медикаментами и т. п., организовывать по требованию оккупантов рабочие команды. В Риге *Judenrat* был сформирован в августе 1941 года, еще до создания гетто, и официально назывался *Židu komiteja* («Жидовский комитет»), его возглавлял адвокат Михаил Эльяшов. Почти все члены комитета впоследствии погибли вместе с остальными узниками гетто.

⁵⁹ Речь идет о здании 11-й рижской городской еврейской школы на улице Лачплеша, 141 (с 1995 года в нем также находится еврейская школа)



Школа на улице Лачплеша, 141, где находился
«юденрат» Рижского гетто

родственников и, наверно, там будет немаленький штат служащих, хоть и без жалованья.

Каждый день, а то и несколько раз в день называют различные кварталы будущего гетто. Его границы трудно установить.

* * *

Появилось негласное еврейское агентство слухов — «ИВА» (*иден вилен азей* — евреи так хотят). Дает сведения с фронта, самые радужные. Многие евреи считают, что не успеют построить забор для гетто, как его придется сносить. Есть и другое агентство — «ИВАН» (*иден вилен азей нит* — евреи так не хотят). Оно выпускает один слух чернее другого.

В городе довольно много самоубийств, главным образом среди врачей, — им и карты в руки. Думаю, что это лишнее, смерть не убежит.

Анна Григорьевна тоже все хочет покончить с собой, но Самуил Львович против. Им, пожалуй, стоило бы это сделать, они слишком стары и слабы, чтобы перенести год лишений, и каждый день

для них — только одно страдание. Жизнь их и так прошла. Бедный старичок, он целый день нянчится с нашей маленькой девочкой. От горя он почти совсем ослеп, почти глух. Пышная Анна Григорьевна стала стройной, голова ее трясется. Прошло былое величие. Мама стала тихой. Бедная, весь буйный характер улетел, стала тихой и печальной. Даже Димочка, несмотря на желтую звезду, которой он очень гордится, стал пугливым, нервным. Как только он видит на улице немецкого солдата, он бежит в дом. Бедный ребенок, боится и не знает за что, не понимает, почему преступление то, что он еврей, он даже не понимает, что такое еврей. Девочке хорошо, она еще совсем глупая, она еще не знает ни горя, ни страха, она этих чувств никогда не узнает.

Не менее нас страдает Мими. Теперь только видно, как она любит Гуревичей. Из-за них она стала «предательницей» своего народа. Она это так воспринимает, она ярая националистка, ульмановка⁶⁰. Она хочет вместе с Анной Григорьевной пойти в гетто.

Я попросил своего хозяина—мужика отметить на бумажке, что я для него работаю. Как и следовало ожидать, он, узнав, кто я, так перепугался, что тут же заявил, что больше косить не будет. Скорее заплатил мне, дал яиц и сметаны для детей, только скорей бы убрался. Он неплохой человек, политика и вражда ему чужды, но он просто боится. Жаль, был заработок и, главное, молоко для детей. Кроме того, теперь приходится работать на «*žīdu punkt*»е. На следующий день уже пошел туда работать — убирали грязь в участке, закапывали старые удобрения, сортировали и перевозили старое советское обмундирование и т. д.

Бедная Аля, она потеряла свое «хорошее» место; какая-то латышка, соседка офицера, захотела сама вести у него хозяйство. Янкевич обвинил Алю в том, что она пристаёт к немцу со своей «любовью», на что она, позабыв, с кем разговаривает, позволила себе усомниться в его здравом уме. Ясно, что теперь он ей мстит, она моет полы в участке.

Несмотря ни на что, верим, что это не надолго, это всем придаст силы. Виною тому «ИВА». Фантазия у людей работает и создает столько всяких возможностей. Не сегодня-завтра Германия разва-

⁶⁰ По фамилии Карла Ульманиса (1877—1942) — политического деятеля Латвии, под руководством которого 15 мая 1934 года латышскими национально-консервативными силами был совершен антиконституционный государственный переворот.



Людмила (Люся) Знотынь.
Такой ее впервые увидел
Эльмар Ривош.
Фото конца 30-х годов

лится. Почему, отчего? Евреи этого хотят, для них это единственное спасение, значит, это должно произойти. У Германии нет нефти, завтра станут все машины. О том, что Германии не нужна нефть, а [нужен] каменный уголь для [производства] бензина⁶¹, молчат, этого не хотят знать. Как видно, перед тем как погибнет гитлеровская Германия, все-таки погибнем мы.

К[арлис] уехал домой. Жаль, стало пусто без него. Была Алина подруга [Люся Знотынь]⁶², она не еврейка, но для нее еврей — скорей плюс, чем минус. Она несколько лет была близка с евреем и теперь его тоже потеряла. Они обе горько плакали. Бедная [Люся], она себя упрекает в том, что является причиной его ареста, глупая. Аля рассказала, что с [Люсей] был занятый номер. Вообще, она большая трусиха, но когда ее допрашивали в префектуре, ругали

⁶¹ Каменный уголь в Германии использовался для получения синтетического моторного топлива.

⁶² Людмила Знотынь (1907—1978), впоследствии жена Эльмара Ривоша. С первой его женой Ольгой Гуревич (Алей) они были соученицами по Лишинской гимназии. Эта женская гимназия, одна из наиболее престижных русских гимназий Риги, была основана Олимпиадой Николаевной Лишиной (1875—1961) в 1908 году и просуществовала до 1936 года. Причиной ее закрытия послужил уход из гимназии более половины учащихся вследствие исполнения инструкции Министерства просвещения Латвии о распределении учащихся школ в соответствии с их национальностью.

за предательство, осквернение расы и т. д. и когда ей задали вопрос, что было бы с ее ребенком от еврея, она нашла в себе столько храбрости и заявила, что в честь него могли бы назвать какую-нибудь улицу (намек на Мейеровица⁶³). Не предполагал за ней такой находчивости.

Пришла мама с Московского форштадта. Принесла съестное. Еврейские порции, конечно, намного меньше нормальных, к тому же продукты самого последнего качества. Бедная, она совсем разбита. Помимо усталости и боли в ногах, она видела и слышала одни только ужасы.

Забор строят усердно, местами натягивают уже колючую проволоку. На улицах Московского форштадта евреи все время в панике. Дело в том, что для развлечения там появляется автомобиль, и из него выскакивают несколько эсэсовцев или патриотов, начинается дикое избиение [евреев], после чего машина как ни в чем не бывало уезжает. *Veni, vidi, vici*⁶⁴.



Избиение еврея на улице
в Риге лицами в штатском.
Фрагмент кадра
из немецкой кинохроники.
Июль 1941 года

⁶³ Зигфрид Мейеровиц (1887—1925) — политический деятель Латвии, сын еврея и латышки. Первый министр иностранных дел Латвийской Республики, сыграл исключительно важную роль в ее международном признании. Несколько раз возглавлял правительство Латвии. В 1929—1940 годах имя З. Мейеровица носил нынешний бульвар Бастея в Риге.

⁶⁴ Пришел, увидел, победил (*латин.*).

Евреи из центра и лучших районов хватают на форштадте квартиры. Форменная погоня за ними. Платят крупные суммы отступного. Хозяева квартир, неевреи, этим пользуются, и цены растут в небеса. Многие вообще еще не передают своих квартир, а спекулируют. Тошно, какие люди встречаются. В такой момент массового бедствия, кажется, должны были бы отступить на задний план, если не совсем пропасть, низкие желания наживы — говорю о евреях. Появилась целая масса посредников по найму квартир. Есть евреи, у которых уже имеются целые списки таковых. Они ими торгуют, как ценными бумагами на бирже. Квартиры растут в цене с каждой минутой, и некоторые «дельцы» зарабатывают крупные деньги. Один такой фрукт не постеснялся заявить маме, что в общем не так уж плохо живется при немцах, он лично устроился хорошо и заработал за несколько дней больше, чем за целый год при большевиках. Жаль, что его НКВД не подцепил. Ничего, еще «заработает».

В «завидном» положении очутилась вдруг еврейская беднота, конечно, только та [ее] часть, которая ютится в районах будущего гетто, — ей не нужно менять квартиры, а за какую-нибудь комнатушку у них прямо дерутся «аристократы». Плохо, совсем плохо тем беднякам, которые не имеют счастья жить в этих кварталах и которым не на что купить угол. Они просто будут на улице.

Готовящиеся покинуть свои квартиры распахивают свое добро по знакомым христианам, что стало для некоторых роковым. Получившими слишком много добра людьми добро завладело, и они, решив обеспечить [его] за собой, поспешили постараться, чтобы [сам]их собственников скорей ликвидировали. Для этого достаточно только слова. В очень многих случаях, конечно, неевреи проявляют себя настоящими друзьями, хорошими людьми, а многие, я бы сказал, героями.

Многие евреи меняют вещи на продукты. Есть уже евреи, которые заводят связи с мужиками и надеются устроить «блестящие гешефты». Удивляешься, как некоторые люди умеют ловить рыбу в мутной воде. Тот, кто не слеп, видит, что эти «рыболовы» живут среди всех народов в одинаковой мере.



Руины в Старой Риге.
Лето 1941 года

* * *

На пункте объявили, что все работающие должны явиться в *Judenrat* для регистрации. Небольшими группами отправились. В первый раз после прихода немцев пошел в город. Пока мы на левом берегу, у всех нас как будто хорошее настроение. Идем и рассуждаем, о чем говорит «ИВА». Все как-то уверены, что это, как дурной сон, скоро пройдет. По мере приближения к городу настроение у нас падает. Встречаем группы работающих по уборке развалин. Вид у них жутко убитый, большинство — люди, не привыкшие к физическому труду. Многие прохожие отзываются с большим одобрением по поводу того, что «*žīdi iemācīsies strādāt*»⁶⁵. У очень многих среди немногочисленных евреев-мужчин лица носят следы побоев.

На Московском форштадте рябит в глазах от желтых звезд. Старухи и дети, мужчин почти не видать. Не видно ни одного играющего ребенка, все, как загнанные зверьки, боязливо держатся около матери или сидят в подворотнях. По пустым тротуарам, как капитан на корабле, проходят редкие прохожие-«арийцы».

⁶⁵ «Жиды научатся работать» (латыш.).

Неприятное зрелище представляет собой очередь у лавки съестных припасов. Еврейская очередь. Почти все — форштадтская беднота, несколько покупательниц, видно, из другого круга. В очереди ругань, гам, плач — все что хочешь, кроме порядка. Не чувствуется совершенно сочувствия этих людей друг к другу, каждый как будто зол на другого, каждый думает только о себе. Немцы обвиняют евреев в их сплоченности против других, в их солидарности и т. д. Я всего этого не замечал нигде, и, к сожалению, почти все думали о своей шкуре.

Со всех сторон тянутся тележники-евреи с разным хламом, мебелью. Все они направляются в *Judenrat*. Большой бывший школьный двор набит народом. Совсем мало мужчин, большинство — женщины с заплаканными глазами. Вдоль заборов горы мебели, хлам, который разрешили взять с собой после выселения. Часть мебели расклеилась от дождя.

Встречаем многих знакомых, при встрече удивляемся, что еще существуем. Нет никого, кто не потерял бы кого-нибудь. Видел Ноэми Баг. Она решила больше не жить, так как Моню будто бы живьем сожгли в синагоге, куда его потащили. Она производит впечатление не совсем нормальной.

Видел Е. Гольдберг. Говорила без умолку, несколько раз рассказывала, как ее допрашивали перконкрустовцы и что они с ней делали. По странной случайности ее отпустили, были пьяны и посту-



Феня Фальк.
Фото 1927 года

пили против правил, так как ее изнасиловали, а по регламенту, после этого не выпускают. Судьба с ней зло пошутила. Была такая красивая девушка, правда, мещанка и берегла свою невинность как нечто священное для брака. Хороша брачная ночь, нечего сказать. Была семья работающих людей — пять сестер, брат и отец. Остались только она одна с сестрой, живут в углу у знакомых на форштадте.

Там же видел Софью Е[фимовну] Гуревич. Говорила все время о белье [мужа] Б[ориса] Л[ьвовича]. Бережет и прячет его, чтобы, когда явится, было бы чистое. Ждет его с минуты на минуту уже несколько недель. Его забрали и даже если не расстреляли, то его все равно не может быть среди живых, так как у него сильный сахар и без ежедневных инъекций и без диеты он жить не может.

Встретил Феню Ф[альк]. Братьев забрали, [ее мужа] Геню — тоже. Мать больна, невестка с двумя крошечными детьми у нее на руках, плюс ее Феликс, тоже ребенок. Мне больно было глядеть, как она осунулась, хотел ее приласкать, как когда-то, успокоить, но Лешино присутствие как-то не разрешало, а глупо. Когда-то я с ней поехал по взморскому шоссе на велосипедах, и она, дурачась, хотела меня [ис]пугать: мчалась прямо на встречные автомобили и сворачивала в последний момент. Когда я ее ругал, она меня уверяла, что просто не верит, не может себе представить, что может умереть, уверяла, что умрет, когда будет совсем-совсем старой.

Кого ни видели, у всех, кроме общего горя, много своего личного.

В самом здании что-то невообразимое. По лестницам нельзя пробраться, битком набиты. Один этаж и лестница к нему запружены женщинами с маленькими детьми, ждут карточек для молока. Дети плачут, матери успокаивают или ругают их, иные сами плачут. Вонь, духота, то и дело чувствуешь, что влезаешь ногой в лужицу или кучку. Они ждут уже с раннего утра несколько часов.

На дворе ко мне с радостным видом подходит А[рон] Беньямин⁶⁶:

— Здравствуй, Эльмар, как хорошо, что жив и здоров. Подумай, как мне повезло, я признан на девяносто процентов неработоспособным, сказали, что таким, как я, старикам место только под землей. Подумай, мне не надо работать.

Он разыскивает знакомых и всем сообщает эту радостную весть. Радует он, как ребенок, забывает совсем, что где-то у него внуки, что у самого маленький ребенок. Его голова не выдержала, сдала.

⁶⁶ Арон Беньямин доводился свекром сестре автора — Натэ.



Арон Беньямин.
Фото 1926 года

Бетти Марковна мне рассказала случай с ее падчерицей Геди. Геди — тип красивой северной «арийки», высокая, крепко скроенная светлая блондинка с васильковыми глазами, с коротким прямым носом, выросла в Вене, словом, сто процентов. Но все же она еврейка чистой крови. На днях на улице ее останавливает патриот и в резкой форме обвиняет ее в провокации, демонстрации и т. д. за то, что нацепила звезды. Когда она ему спокойно заявила, что нет никакой причины для волнения, так как она в полном праве носить эти знаки отличия, он рассвирепел, потребовал легитимироваться и... обосрался, в переносном смысле, конечно. Характерные приметы расы подвели.

На дворе *Judenrat*'а сборище нищих. Вернее, большинство нищие. Беднота очень быстро вошла в это положение и нищенствует, и просит. Мужчины-курильщики ищут окурки и с жадным видом наблюдают за случайным тайно курящим. У меня есть папиросы, но не успеваешь закурить, как закуренную папиросу отдаешь кому-нибудь. Бетти Марковна не выдержала и отдала одному из просителей последнюю коробку «Риги». У нее тоже нервы, сердце и голова пошаливают.

Никакой регистрации не проводили, и мы весь день провели в этом «раю» без всяких результатов. Еще раз смог убедиться, что протекция и кумовство — неизбежное явление всех организаций и учреждений. Это, как видно, вполне естественно, и нельзя даже

сильно осуждать. В конце концов естественно, что если кто-нибудь занимает более безопасное и менее неприятное местечко где бы то ни было, и если он в состоянии там же устроить кого-нибудь, то он [лучше] возьмет кого-нибудь из близких ему людей — друга или брата, чем чужого. В *Judenrat*'е та же «*onkuļu bīšana*»⁶⁷, как повсюду. Люди страшно возмущены этим, но только потому, что у большинства там нет ни друзей, ни «*onkul'ов*»⁶⁸. Я себе в жизни мог разрешить роскошь обходиться без протекции, но не осуждаю людей, если они к ней прибегают, — это тоже вид борьбы за существование.

Judenrat набрал солидный «штат служащих» (все бесплатно, конечно), у которых то преимущество, что их не ловят и не гонят на общественные работы; других привилегий у них нет, [только], может, то, что скорее получают ордер на жилплощадь в будущем гетто. Работа у них жуткая — целый день видеть этот ужас, говорить и хотеть помочь всем этим несчастным. Регистрировать, записывать, выписывать, обещать, успокаивать и знать, что все напрасно — помочь все равно ничем не смогут.

Вечером вернулись. У нас за Двиной как-то ожили. Сад, деревья, воздух. Нет этой суеты, этой напряженности. Если [бы] не сознание происходящих событий, забыли бы на время горе. Мы так подавлены всем виденным и пережитым, что молчим, думаем каждый про себя. Ночь спокойна, изредка стреляют в соснах.

* * *

Психологическая загадка. Последние четыре месяца перед войной я работал в мастерской, где нас было всего четыре человека — мой К[арлис], мастер Л., я и еще парень неопределенной профессии — А[нкравс]. Про этого человека мне рассказали всякие нелестные истории и настраивали против [него]. В мастерской Л. всячески проявлял над ним свое превосходство, хамил и т. д. У меня не было с ним никаких отношений — ни плохих, ни хороших. Когда я очутился вне закона, все бывшие друзья детства («арийцы»), все друзья по работе исчезли, и тут, как чудо, является этот человек. Пришел просто и заявил, что хочет помочь мне и семье, что готов сделать все, что будет в его силах. Решил взять работу по ремонту поврежденных

⁶⁷ Кумовство (латыш.).

⁶⁸ Дядюшек (латыш.).



Рудольф Анкравс.
Фото 1928 года

войной фасадов домов и меня устроить у себя. Зная, что я сижу без денег и заработка, предложил мне делать для него всякие игрушки. Обещал меня вытащить из «*žīdu punk't'a*». Приносил Димочке всякие угощения, играл с ним, словом, стал проявлять самый глубокий интерес к нашей судьбе. Для этого нужна немалая доля храбрости, мы привыкли в нужде терять друзей, тем более странно находить в нужде новых.

Пока работаю на «*žīdu punk't'e*». Оказывается, что женщины с маленькими детьми от работы освобождаются. Аля хочет этим воспользоваться, хотя Янкевич и будет злиться. У него по отношению к Але проявляется прямо садизм, терпеть ее не может, не может ей простить ее «непочтительного» вопроса, в здравом ли он уме. Начинаю подумывать о том, что следует его убрать, только не знаю точно, как. Иногда приходит уверенность, что если я этого не сделаю, он сдержит слово и ее «*nolaidīs no kājām*»⁶⁹. Из-за этого хочу, чтобы нас скорее выселили.

Район гетто уже известен, забор почти готов, и евреев начали выселять по районам. Первыми идут, конечно, центральные. Многим, которые перебрались на Московский форштадт, но поселились не на входящих в гетто улицах, опять приходится перебираться. Квартирные маклеры зарабатывают кучу денег. Без маклера почти невоз-

⁶⁹ Завалят (латыш.).

можно получить помещение, они с тамошним населением вошли в соглашение совместно заработать, и цены на квартиры — 1000—3000 рублей отступного. Большинство выселяемых из [будущего гетто] «арийцев» злятся на нас, [как] будто бы [мы] хотим их выставить. Многим, конечно, трудно, приходится оставлять десятилетиями насиженные места. Большинство там русские, люди хорошие, но на заработок все падкие, и евреев за квартиру безжалостно грабят.

Мама тоже ищет для нас жилье, но никак не может найти. Собираюсь с Алей как-нибудь выкрутиться с работы на «*židu punkt'e*» и самим поискать. У нас за Двиной как-то стало спокойней. Всех, кого можно было ограбить, ограбили и убили, а у оставшихся нечего взять, так что пусть работают пока.

Димочка меня поставил в глупое положение — [я] не смог ему удовлетворительно ответить на вопрос:

— Папочка, скажи, почему нас и наших знакомых немцы так мучают?

— Ты же знаешь, что немцы не любят евреев, а мы и те, кого они мучают, — евреи.

— Я знаю, вы все время говорите: евреи, евреи, а что такое евреи?



Дима во дворе дома
на улице Кулдигас.
Фото ок. 1940 года



Захарий Гуревич.
Фото 1926 года

— Ну, это все те, кто любит советских, а не немцев, понял?

— Немножечко, совсем немножечко.

Я постарался заговорить ему зубы, но, кажется, не совсем удачно. Как объяснить такому клопу, что такое евреи и антисемитизм, когда это даже нам самим не совсем ясно? Сослаться на внешние приметы семитов я никак не смог, уж слишком много противоречий, а исторически, политически и т. д. не решился.

* * *

Мама в волнении, что к моменту нашего выселения в гетто не получим угла. Она каждый день бегает и ищет. Кроме того, право переехать в гетто имеют только те, кого уже выставили, — [таков] порядок. Аля тешится надеждой, что из наших краев вообще не будут выселять, а только из центральных районов. Не знаю, откуда такая фантазия. Я бы даже не остался, если бы мог, слишком были бы на виду и отрезаны от всех знакомых и друзей, кроме того, ни секунды в это не верю.

Приезжала из Лимбажи Дими́на няня [Меланья], плакала и умоляла дать ей его с собой. Я бы не прочь, но Аля заявила, что если нам всем суждено погибнуть, так пусть, но сироту оставить не собирается. Право распоряжаться детьми принадлежит матери, Димочку М[еланья]е не дали.



Берта Магильницкая.
Фото 1927 года

В Лимбажах, как повсюду, всех евреев прикончили⁷⁰.

Рижских евреев взволновал следующий случай. Через *Judenrat* из провинции запросили группу молодых женщин и девушек на работу по добыванию торфа (в Олайне⁷¹). Немецкому офицеру, «хозяину» *Judenrat*'а, обещали по истечении нескольких недель вернуть их целыми и невредимыми: этот офицер — относительно приличный человек и старается, где можно, избегать зверств. Не прошло недели со дня их отправки — поехали не то 24, не то 27 девушек, — как пришло известие, что они все убиты — расстреляны. Причин никаких — просто так. (Среди них Берта Могильницкая.) Было [еще] два знакомых имени, но забыл их. После работы девушек на грузовике немецкие солдаты и латышские полицейские увезли в лес, расставили возле ямы и прикончили.

Приходил Захарий Львович [Гуревич]. «Общественный деятель» всегда им остается. Он от *Judenrat*'а собирает пожертвования для

⁷⁰ Лимбажи — город в тогдашнем Валмиерском уезде (в составе Российской империи — Лемзаль в Вольмарском уезде Лифляндской губернии). Число евреев в городе, по последней предвоенной переписи населения (1935 год), составляло 100 (из 2870 человек населения). Убийства евреев в городе начались еще до 10 июля 1941 года. Примерно 80 лимбажских евреев были убиты в ходе двух акций во второй половине июля и одной акции в начале сентября 1941 года.

⁷¹ Поселок в Рижском уезде (в составе Российской империи — Олай в Лифляндской губернии).



Рижская биржа.
Фото начала XX века

нуждающихся. Занятие трудное, так как все, даже бывшие богачи, могут ссылаться на бедность. Тяжело было видеть, как он прощался со своим братом Самуилом Львовичем. Оба старика стояли обнявшись и плакали, как маленькие дети. Самуил Львович горько, громко всхлипывал. Говорили слова нежности и любви, были уверены, что прощаются навсегда. Они не ошиблись. Захария Львовича через несколько дней забрали и поместили к[ак] б[удто] в тюрьму. У него сильный сахар, и без лекарств он все равно жить не может. Бедная Мария Ивановна, за короткое время потеряла двоих сыновей, теперь — мужа. Она держится молодцом, но невольно спрашиваешь себя: для чего?

Постепенно рижские евреи тают, [их] становится все меньше.

А[нкравс] сдержал свое обещание, и я работаю у него, реставрирую скульптурные украшения на фасаде общественного здания [— Биржи]. Работаю высоко на лесах и вижу жизнь с птичьего полета. Подо мной площадь, снуют люди, проезжают немецкие военные грузовики, флегматично проходят пленные, группы евреев. Работаю без звезд и прихожу на место работы и ухожу так, чтобы звезд не видели. А[нкравс] меня об этом просил по разным, для него важным, соображениям. В обеденный перерыв хожу (тоже без звезд) к знакомой семье (полуеврейской, официально «арийской») слушать советское радио. Становится немного легче на душе, хотя,

поразмыслив, убеждаешься, что сведения плохие, правда, красиво оформленные. Одна уверенность крепнет — до зимы немцам не победить Союз, а зима многое может изменить. Вспоминается Наполеон, и хочется провести аналогию. «ИВА» со дня на день предсказывает события. Хорошо, что «ИВА» держит верх над «ИВАНом», лучше в горе быть оптимистом, чем в хорошее время — пессимистом. «ИВА» всем дает силу — спасибо за это. Большие люди становятся детьми, веря сказкам. Некоторые предсказывают, что еще до конца лета немцев у нас не будет.

Теперь уже осень, падают листья с деревьев, рано темнеет, прихожу с работы в сумерки. Квартира наша полупустая, всю лучшую мебель «втихую» обменяли на продукты: за буфет — сажень дров, за шкаф — пуру⁷² картошки и т. д. Аля страшно волнуется, как бы спасти вещи, распахивает по знакомым. Я думаю, что из-за вещей нечего себе ломать голову — сдохнем, так вещи не нужны будут, а будем жить, так о них не будем жалеть. Когда кто-нибудь из соседей к нам заходит, так чувствуешь, что все выбирают и оценивают твоё барахло. Некоторые стесняются, только мимоходом намекнув на этажерку, столик и т. д. Даже хорошие друзья не прочь по дешевке, т. е. даром, получить что-нибудь. Подыскиваю хозяина для моего пса Чунчика, с ним мне жалко расставаться.

Так как Мими не имеет права жить с нами вместе, мы ее устроили в маленьком домике, в помещении моей бывшей мастерской — комната и кухня. Провел ей электричество, кое-как привел [домик] в жилой вид. Обставили комнату мебелью из нашей спальни. Аля и Анна Григорьевна напихали к ней самые лучшие вещи — ковры, серебро и т. д. Аля на меня в претензии, что отношусь к этому равнодушно и нехотя переносу туда добро. Говорит, что я плохой отец и не думаю, не интересуюсь будущим своих детей, считает, что все, что у Мими, будет в целости и им пригодится. Анна Григорьевна только и знает, что хлопотать о спасении вещей.

Неподалеку от нас живет знакомая семья. Она — молодая еврейка, он вдвое ее старше, бывший офицер царской армии⁷³, русский, у них двое маленьких детей. Она иногда заходила с ними

⁷² Латыш. *purs* — старинная мера объема сыпучих грузов (68,75 л). В Риге официально использовалась до 1895 года.

⁷³ Имеются в виду Эсфирь Ильинична (1915—1991) и Константин Флорианович (1893—1971) Яголковские, которые продолжали дружить с семьей Эльмара Ривоша и после войны.



Эсфирь Яголковская.
Фото 1931 года



Константин Яголковский.
Фото ок. 1929 года

к Димочке в гости. С ним у нас было шапочное знакомство. Теперь этот человек, как только стемнеет, приходит к нам с бутылкой молока для наших [детей]. Беседую иногда с ним о событиях на фронте. Он русский патриот, может, даже русский националист в нормальном смысле этого слова, но считает, что в данном случае война между Германией и Россией и что долг всякого русского — быть на стороне Союза. Жалует, что не может тоже участвовать в этой борьбе. Человек этот, как и многие русские эмигранты, родину потерял из-за большевиков, сам пострадал, но, несмотря на это, сохранил способность объективно оценивать положение. Он свою жену держит под замком, никуда не пускает, старается ее скрыть от людского взора.

* * *

Вечер. Ветер и осенний проливной дождь. В такую погоду как-то спокойней, [знаешь], что никто из непрошенных гостей не придет. Сажу с Алей и Димочкой на кровати и, как-то уйдя в свои мысли, напеваю советскую песенку. Димочка забрался к Але на колени. Встряхивает меня Алин возглас:

— Димочка, что с тобой, солнышко, чего ты плачешь?

Димочка не отвечает, а трется лицом о ее шею, он весь красный, как кумач, Аля берет его личико в руки и поворачивает к себе.

— В чем дело, что с тобой?

— Ничего, ничего, это папочка, он поет советскую песенку, она мне так нравится, я так давно не слышал советской песенки. Мамочка, мамочка, чтоб только немцы не услышали.

Аля не выдерживает, и слезы текут по ее щекам. Я закуриваю папиросу. Маленький ребенок, а у него уже разбито сердце. Не думали, что он так глубоко переживает.

* * *

Забор вокруг гетто уже почти закончен, и оно уже заселено, почти все районы уже очищены от евреев. Нужно серьезно взяться за розыски помещения и получить право на «выезд». Из наших краев все евреи уже перебрались, только мы еще на месте. Надо самим себя «высечь» и получить записку о нашем выселении для получения ордера на жилплощадь. На каждого еврея допускается четыре квадратных метра, что же, стойло коровы не больше, несмотря на то, что скотина покрупней нас. А[нкравс] обещал нам провести наше выселение с помощью [своего] знакомого «узрауга»⁷⁴ нашего участка, за что придется подарить «узраугу» какую-нибудь мелочь.

Пошел с Алей искать жилье в гетто. Ворота в него [с улицы] Лачплеша, начало Садовниковской. Садовниковская переходит в Лудзас. Лудзас — это главная улица в гетто, центр — бульвар. Народу тьма, даже на тротуарах евреи. Еврейские полицейские с голубыми повязками на руках следят за порядком⁷⁵. Несмотря на тяжелые условия жизни в гетто, как-то скорей хочется перебраться [туда]. Как будто своя «республика». Узнаю, что в *Judenrat*'е всевозможные отделы, как-то: технический, строительный, санитарный, жилищный и т. д. Производит впечатление, что собираются нас посадить в своего рода концентрационный лагерь на время войны, держать нас в

⁷⁴ Латыш. *uzraugs* — надзиратель, надсмотрщик.

⁷⁵ Еврейская полиция (*Ordnungsdienst* — служба порядка) во главе с Михаилом Розенталем была образована до 28 октября 1941 года. В ней было около 80 вооруженных резиновыми дубинками молодых мужчин (носили белые нарукавные повязки с синей шестиконечной звездой), задачей которых было заботиться о спокойствии, порядке и мерах светомаскировки в гетто. Впоследствии еврейская полиция стала ядром Сопrotивления в Рижском гетто, разгромленного нацистами в октябре 1942 года.



Ограда Рижского гетто.

Надпись на немецком и латышском языках:

«По лицам, которые перелезут через забор
либо попытаются через забор установить связь с жителями гетто,
будут стрелять без предупреждения».

черном теле, но дать все же возможность существовать. Вспоминаю, что в Польше гетто существуют уже два года, в свое время даже письма получали оттуда.

Обошли мы все гетто, но ничего не нашли — мы еще все критикуем и не можем решиться взять любую дыру. Некоторые знакомые устроились сравнительно прилично. Удивляешься, как много вещей еще у людей. Грабили, грабили, а все-таки еще много. Настроение у жителей гетто тоже как-то спокойней, к тому же скоро зима, а немцы еще далеки от победы. «ИВА» работает вовсю, предсказывает скорое выступление Америки и что тогда в Германии будет переворот и т. д. Я хочу в гетто найти что-нибудь похожее на Зассенгоф, пусть хоть будочка, но где-нибудь в саду, не могу себе представить существование в какой-нибудь каморке на четвертом-пятом этаже. Кое-что в этом роде имеется в виду, но только может быть.

Вернулись как-то ободренные надеждой, что, может быть, еще не всему конец. Мими все еще уверяет, что гетто — это лишь мышеловка, что нас только обманывают. Приписываем это ее прирож-

денному и вечному пессимизму. Задаешь себе вопрос: для чего тогда все это выселение неевреев, постройка забора и т. д. Мимина точка зрения кажется нелогичной и не соответствующей немецкой последовательности.

Погода чисто осенняя, к тому же становится холодно. С нетерпением ждем зиму. В такую погоду на стройках нельзя работать, делаю для А[нкравса] гипсовых зверьков. Сколько ни сделаю, все покупают. Для Димы это развлечение — весь брак получает он, потом устраивает разные комбинации с А[нкравсом]. Занятно, как они «торгуют» и совершают сделки. Образчик разговора:

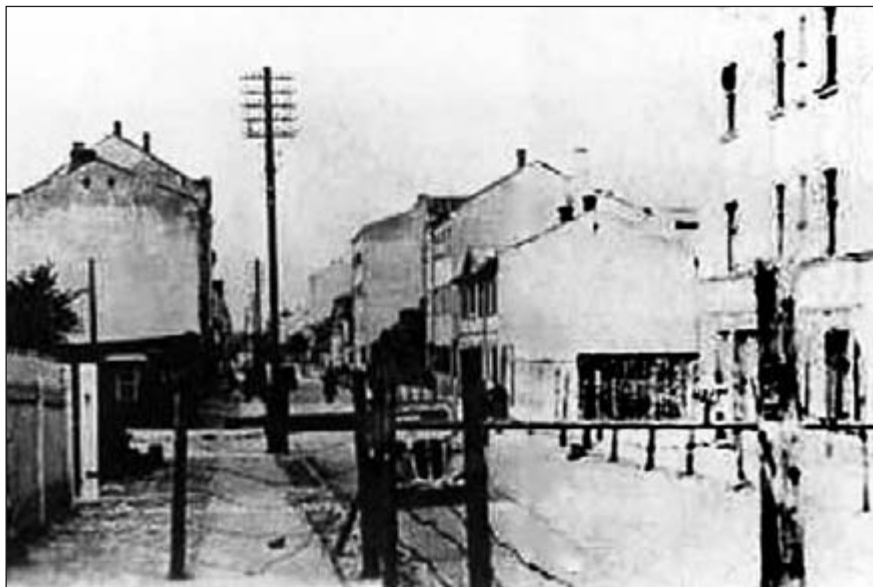
— Дима, а как сегодня насчет товара?

— Можно, я тебе дам собаку, у нее немножечко ухо попорчено, но ты ее сможешь забодать, а ты мне дай белого слоника.

— Как же, слоник целый, а собака с браком.

— Ну, хорошо, я тебе дам еще собаку без хвоста, ты же все можешь забодать. Послушай, Руди, я очень хочу, чтобы ты был моим папой, мы с тобой будем делать разные гешефты, и ты меня никогда не будешь шлепать, как папа.

Дима прав, я его шлепаю. Стыдно, но нервы напряжены, стал с ним слишком резок и требователен, потом жалею, даже с Алей и стариками по этому поводу были стычки.



Лудзас – главная улица Рижского гетто



Двор по улице Маза Кална, 5. Современный вид

Поговаривают, что скоро закроют гетто. Нужно торопиться с переездом.

Наконец-то узнал через А[нкравса], что нас через неделю выставят. Оказывается, нас просто забыли. Отправился в гетто в поисках угла, решаю во что бы то ни стало найти. Встретил Т[аубочку] Гиршберг, рассказавшую мне, что в одном месте видела пустую постройку — четыре стены с крышей, больше ничего. Охотников на нее нет и, по всей вероятности, я смогу ее получить. На *Maža Kalna ielā*⁷⁶, 5, в глубине двора, нахожу «особняк». Каменная постройка, одноэтажная, пять на шесть метров, рядом — сарайчик, напротив — сад. Бывшая мастерская — четыре окна и две двери. Заглянув через окно, вижу электрическую проводку, даже счетчик. Вид запущенный, но довольно солидная постройка и главное — «особняк». Решаю во что бы то ни стало завладеть этим углом, в голове уже план [его] превращения в жилое здание со всем «комфортом». Хозяина-латыша нахожу по соседству, перевозит свое добро. В первый момент он опешил, заявил, что жить там нельзя и что нечего осматривать, но когда я ему заявил, что перестрою, сразу изменил тон, пошел со мной, показал и даже потребовал «отступного». Спраши-

⁷⁶ Улица Маза Кална (латыш.).

вается, от чего? Словом, заплатил, получил квитанцию и оказался во владении отдельным домом — громко звучит.

Немного боязно было сообщить дома, куда собираюсь переселить семью, но расписал в розовых тонах, а так как выбора не было, то домашние легонько повздыхали и успокоились; Аля верила, что будет неплохо.

Для меня началась забота о перестройке, помню, что даже увлекся ею. Первым делом надо было собрать материал и переправить его. Дома у меня нашлись доски, часть я получил у соседки в обмен на кроличьи домики, нашел старые обои и т. д. Так как у нас еще не было бумажки о выселении, нужно было все отправить втихомолку. Свое собственное барахло нужно было украсть. Сговорился со знакомым извозчиком, согласившимся за цену, в десять раз большую, чем следует, и в один из ближайших вечеров, нагрузив полный воз всяким хламом для работы плюс верстак и все свои инструменты, отправился в гетто. Пока я спешно перестраивал и ремонтировал, я оттуда не выходил и ночевал там же.

По вечерам заглядывал к Данцигерам. Живут они в одном доме с Марией Ивановной. Устроились сравнительно хорошо. Чисто, электричество, вода, только уборная у черта на куличках, так что старикам в темноту нужен провожатый, роль которого исполняет либо Туся, либо Сережа. Когда Леву забрали, Туся познакомилась с инженером-поляком, его заместителем на фабрике. Как видно, этот человек влюбился в нее, она, кажется, тоже не осталась совсем холодной, и он помогал всей семье, как самый близкий друг. Обещал привезти в гетто целую тонну картошки.

По соседству с Данцигерами у одной девушки роман с немецким солдатом. Парень, рискуя головой, приносит все что может, проявляет массу нежности и внимания как к ней, так и к ее матери. Он бывший студент, красивый, развитой человек. Девушка его тоже любит, и перед глазами проходит драма в драме.

Наряду с этим неприятно выделяются отношения Лизы и Николая. Пока жили в буржуазных условиях и в буржуазной условности, их брак был браком, как многие другие, хотя о любви не было и речи. Теперь, хоть и не развелись, разошлись окончательно и отзываются друг о друге самым скверным образом, не скрывая того, что друг другу противны.

У Данцигеров узнал подробности арестов многих знакомых и друзей.

Люди ко всему привыкают, и в гетто как будто налаживается нечто вроде жизни. Хотелось бы скорей перебраться, чтобы гетто закрыли и отрезали бы нас от мира. Тут все в том же положении, и не нужно избегать людей, можно ходить по тротуару, а не по мостовой, тут — царство рабов.

Пришла ко мне в нашу новую «квартиру» Аля заявить, что завтра нас выселят и чтобы я был при этом. Демонстрировал ей «особняк». Опишу его.

Слева к домику примыкает сарайчик. Открыв дверь в домик, попадаешь в нечто вроде сеней — в мастерскую с верстаком; в дверь вделал окно, так что светло. Направо — вход в квартиру. Прихожая — кладовая, метр на полтора, из нее попадаешь в кухню. Плита странной архитектуры, за отсутствием материала построена на колонках, над нею для оттяжки пара и ароматов — колпак из бывшей кузницы. Направо — перегородка, делящая комнату на две части: одно стойло для меня с Алей и Димой, другое — для мамы с девочкой. Старики Алины будут жить у Гутманов. Аля вздыхает, но делает удовлетворенный вид. Решаем клеить обои, когда будем уже в гетто. Обещаю из части сарайчика сделать местечко, чтобы не бегать в мороз через весь двор. Стараюсь расписать, как устроимся, уверяю, что даже голубятню на чердаке устрою, говорю, что будет второй Зассенгоф, только в миниатюре. Мы целуемся и шутим, хотим обмануть друг друга.

Темнеет, мы отправляемся за Двину, знаем, что, может быть, в последний раз совершаем этот путь. Идем под руку, тесно прижавшись, хотим своей близостью друг друга утешить. Темно, ничего и никого не видеть, мы идем по тротуару, Аля устала, а риск — «благородное дело». Идем дорогой, более далекой, чтобы миновать участок, чтобы избежать возможной встречи с Янкевичем. Уже сентябрь. Вспоминаем лето — август тридцать девятого года. Мы на взморье, свободны и счастливы. Вспоминаем, как лихорадочно слушали на пляже политические новости по радио, объявление войны. Аля предчувствовала как будто, уверяла, что это наше последнее счастливое лето; нам, правда, было слишком хорошо, и лето было удивительно хорошее, теплое и долгое, как будто на прощанье.

Приходим домой. Сразу все воспоминания улетели. Бессмысленное настоящее встало перед нами. Кресло, на котором спал Чарли, подарили одной из соседок, и Карлуша ходит как неприкаянный; собаки консервативны и не любят менять место сна.



Узники Рижского гетто

А мы? Димочка нас с нетерпением ждал, он себя без Али чувствует одиноким и печальным, он как-то неестественно любит ее, так же, как Чарли, они без Али не могут жить. Чарли будто чувствует перемену жизни, как будто боится, что его не заберут и оставят, он не отходит от Али, все ласкается и смотрит в глаза.

— Не бойся, Чарли, мы тебя заберем.

Кота Цапкина тоже захватим. Моего Чунчика заберет извозчик и даст за него курицу и петуха. Жаль мне с ним расстаться, мы друзья, я его вырастил и воспитал.

Девочке хорошо, она еще глупая, маленькая, бегает по комнате, смеется, играет, ее горе — это мокрые штанишки, это горе легко заменить счастьем — сухими.

Обсуждаем техническую сторону переезда. Так как квартира еще не готова, девочку оставим пока у Мими, Димочку — у Данцигеров, мама пойдет к своим друзьям, а мы с Алей будем клеить обои, приведем все в порядок, ночевать будем там же. Извозчик обещал приехать завтра после обеда. Хорошо, что по «протекции» знаем день нашего выселения.

Как-то не решаемся лечь, хотим продлить время, как-никак мне Зассенгоф всегда был дорог, и Аля с ним сроднилась. Она со мной

устроила этот угол, мы вместе по ночам работали, перестраивали, красили, клеили и превратили запущенную квартиру-сарай в хорошую — жилую, со всеми удобствами. Все в ней было сделано собственными руками, сам строил кухню, ванную, все мелочи, а вещи имеют ценность, если в них вложена работа и любовь к кому-нибудь, тогда только их жаль бросать. Для меня покинуть свой дом не драма, даже не горе, но для мамы и Али это чуть ли не трагедия.

Квартира у нас полупустая. Вещи, находящиеся в ней, по всей вероятности, не задержат и дадут взять с собою. Кажется, тут ничего нет, но, думая о том, что это ничто появится там, в гетто, ума не приложу, как и куда это разместить. У Али письменный столик, такой, какие встречаются повсюду. Круглые точеные ножки, два выдвижных ящика, на нем надстроечка с барьерчиком и с каждой стороны по маленькому выдвижному ящичку. Таких столиков миллионы, почти в каждом доме, но Аля любит свой письменный столик, она за ним готовила школьные уроки, она за этим столиком выросла, он для нее альбом ее жизни, за ним она писала письма о любви, счастье и горе, в его ящичках хранились ее девичьи мечты, женские тайны. Для нее выбросить этот столик — потерять часть прошлого; она его заберет, я с ней спорить не буду.

* * *

Все дети любят приходить в постель к родителям, но родители им эту радость не всегда доставляют. Димочка к нам прилезал только по утрам в воскресенье или по праздникам. В этот вечер для него был этот праздник без праздника. Лежал между нами, чувствовали его маленькое теплое тельце. Он в волнении и все напоминает, чтобы не забыли забрать его игрушки. Там и кубики, и поезд, и грузовик, и все его гипсовые собаки и слоны, он все перечисляет и все боится, чтобы чего не оставили. По временам он спрашивает:

— Скажи, папочка, а как если немцы не дадут мне забрать моего аэроплана, ты сможешь его как-нибудь спрятать? — Или: — Mamочка, мою кроватку пусть забирают, из-за нее не огорчайся, я же могу у вас спать?

Так он болтает, пока не засыпает. Спящим его Аля укладывает в его кроватку. Лежим и вспоминаем все здесь проведенные годы. Сколько труда и надежд в жизни, построенной своим трудом, и как легко это все разрушить. Аля засыпает у меня на плече, во сне по

временам тяжело вздыхает и, как ребенок, тесней прижимается ко мне. Ей снится тяжелый сон, но вряд ли тяжелее действительности. Лежу, не шевелясь, в мыслях пролетают годы. Проходит последняя ночь у себя.

* * *

Утро. По небу несутся тучи. Ветер. Всего только начало сентября, а уже осень. Наш большой клен пожелтел, его листья мягким шуршащим ковром покрывают землю перед домом. На своем задворке Чунчик охотится за крысой. Мими выпустила кур, и они, как всегда, копошатся в саду. Дворничиха с метлой и совком, как каждое утро, идет подметать улицу. Все, как всегда. Только для нас этот день, это утро останется в памяти. Ждем прихода полицейских, ждем, чтобы нас скорее выбросили.

Пришла Ната Бекер, ее тоже сегодня выселяют, и она хочет на нашем возу кое-что переправить. Ее мать и девочка уже в гетто, перебрались нелегально, она осталась ждать выселения.

* * *

В десять часов Чунчик, неистово лая, заметался на своем задворке. Двое полицейских с портфелями с деловым видом появляются на нашем дворе, провожает их наша дворничиха. С суровым видом обращаются ко мне:

— Почему вы еще здесь, все евреи давно в гетто, мы о вас забыли, это так, но вы должны были уже давно быть там, где вам следует. Покажите квартиру.

Суровость их напускная, так как они «смазаны» моим приятелем. Осмотрев все и не найдя ничего хорошего, садятся за стол для составления протокола. Все барахло разрешают забрать. Подписываюсь под протоколом, не понимая смысла, чего стоит подпись человека вне закона. Меня могут безнаказанно расстрелять, не отдавая об этом даже отчета своему начальству, и вдруг подпись. Объявляют, что за тридцать минут все вещи должны быть на дворе, после чего они запечатывают квартиру, [а] пока что они уходят.

Для размышления времени нет, спешно выволакиваем свои пожитки. На дворе появляется куча мебели. Пока вещи на месте и выполняют свое назначение, как будто они вещи; когда они сложены

кучей, это хлам. Хорошо, что нет тяжелых вещей, помощи нет, а Аля измучена и слаба и не смогла бы помочь. Минутами жалко, что все это не сгорело во время обстрела и бомбардировки. Для чего этот хлам, кому он нужен?

В квартире — голые стены. Где когда-то висели Алины картинки, торчат пустые гвозди. Димочка заглядывает во все углы, не забыл ли какой игрушки. Цапкин зашел в комнату, удивленно огляделся, жалобно промяукал и выбежал.

Через час являются полицейские, запирают двери, накладывают печать. Над одним актом жизни опускается занавес.

Через несколько часов должен приехать извозчик. Ждем, скорее бы. Из соседних домов жильцы с любопытством наблюдают за нашим двором. Жалеют, наверно, что «*visa manta aiziet bojā*»⁷⁷. Погода начинает портиться, накрапывает мелкий дождик. Тюки с мягкими вещами втаскиваю к Мими. Скорее бы приехала телега. Алин письменный столик тоже под дождем. Прикрываю его листом фанеры. Забрались все к Мими, пьем чай, как беженцы. Комнатка небольшая, и тюки ее всю заполнили. Девочке и Диме развлечение — взбираются на них, перелезают с одного на другой, играют с ними в прятки. Мими и Анна Григорьевна сидят на диване, держат друг друга за руки и тихо рыдают. Обе старушки, где им мечтать еще встретиться.

* * *

Четвертый час, а извозчика все нет. Хорошее дело, если передумал и не явится. Анна Григорьевна решила не ждать, а отправиться с Самуилом Львовичем пешком. Не знаем, как они доберутся. Так в ожидании проходит все [время] после обеда, наступает вечер. Как видно, нам суждено еще одну ночь провести тут. Какая разница, не все ли равно? Вещи во дворе мокнут, и Аля о них печалится. Считаемся с возможностью, что извозчик нас бросил, решаем: утром искать другого, пока устраиваемся на ночь. Разложили наши пожитки, я внес матрац и устроился в тесноте, да не в обиде. После ожидания, возни и тревог спали как убитые.

Все еще спали, когда я встал. Хотел попрощаться с углом, где вырос. Мне не жаль места, земли, угла, а мне жаль расставаться со

⁷⁷ Все добро гибнет (*латыш.*).

всем этим, как Але — со своим письменным столиком, как с местом воспоминания, как будто бы этот кусочек земли и этот домик на курьих ножках впитали в себя мое прошлое, счастливую, веселую молодость, юность, полную надежд, жизнь, полную любви и работы.

Через разбитое окно влез в дом, на чердак, в свою голубятню. Она была пуста, и вместо голубей там поселились мыши. Присидел я там, пока на дворе не зашевелились.

Тихо вошел. Мама и Аля уже были на ногах, детки еще спали. Странно было себя чувствовать у себя дома, как на чужбине, на бивуаке⁷⁸. Как раз собираюсь выходить в поисках извозчика, как встречаю соседку на пути к нам. Оказывается, извозчик заезжал поздно вечером сообщить, что приедет завтра, т. е. сегодня. В этот раз он не подвел и вскоре объявился. Условились, что с первым возом с тяжелыми вещами поеду я, а на последнем приедут Аля, мама, Димочка и Чарли.

Пришла Ната [Бекер] с чемоданом, она решила поехать со мной. Хорошо, не так тоскливо. На самом деле евреям на «арийской» телеге, с «арийской» лошастью и кучером ездить не разрешается, наверно, тоже осквернение расы, но мы захотели этот параграф игнорировать. Грузим воз. Димочка следит, чтобы не забыли ящик с его «*mantam'i*»⁷⁹. Воз растет. Куча хлама на дворе убывает. Натягиваем веревки. Сейчас, через несколько минут поедем. Нужно прощаться. Мой волк Чунчик как будто предчувствует разлуку. Став на задние лапы, лижет, лижет мое лицо. Прощаюсь с ним, как с человеком, близким. Собака не говорит, но уверен, что чувствует подобно нам. Она привыкнет к другому хозяину, ну а разве мы не привыкаем и не любим других после потери близких? Аля приносит корзину, завязанную в мешок, — там Цапкин, он тоже едет в гетто.

Уславливаюсь с извозчиком, что он поедет вперед и за несколькими кварталами обождет меня: не хочу сидеть на возу на виду у знакомых. По дороге хочу попрощаться с соседями-друзьями. Иду к Г. — это наша лавочница, знала меня еще мальчиком. Она для меня загадка. Помню, во время Первой мировой войны она была латышкой (фамилия у нее немецкая). Прицепила к имени латышское *s* и была ею. Во время немецкой оккупации в прошлую войну она это *s* отменила и стала немкой. С сыном ее я был в одной школе

⁷⁸ Бивуак (*фр.*) — расположение войск на привал.

⁷⁹ Вещами (*латыш.*).

(немецкой) и часто с ним дрался. Он проявлял себя хулиганом и антисемитом. Когда стала Латвия и к тому же национальная, наши Г. стали яркими националистами. [К] своей фамилии не только прибавили национальное латышское s, но еще смягчили одну букву, так что немецкое совсем пропало. В год советской власти она, конечно, горевала, но внешне держалась лояльно, говорила по-русски и ничем не проявляла враждебных чувств. Со мной была так же мила, как и раньше. Была она тогда уже много лет вдовой, имея этого единственного сына, к слову, лютого пьяницу и бездельника. В свое время она его женила и купила ему хозяйство под Зегевольдом⁸⁰, где он жил под наблюдением своей жены. При уходе советских его застрелили, по всей вероятности, по заслугам. Как бы то ни было, мать всегда ею остается, для нее сын, к тому же единственный, — всегда самое дорогое. Когда я после прихода немцев зашел к ней выразить свое соболезнование, я не был уверен в том, что она меня не выбросит с проклятиями. Был поражен, когда явился к ней, — она меня обняла, поцеловала, выразила радость по поводу того, что жив, никого не ругала, не винила, только горевала из-за сына. И вот теперь, когда я прихожу к ней прощаться, она меня встречает так тепло, старается уверить, что это ненадолго, что справедливость восторжествует (какая справедливость — для меня осталось загадкой). Со слезами дает мне уже приготовленный пакет для детей, там масло, шпик и т. д. Мне в карман сует несколько пачек «Спорта» и «Риги». Меня это так тронуло, что сам чуть ли не плачу. Прощаюсь с ней и решаю ни к кому больше не заходить — зачем портить кровь?

За Мартыновской церковью нахожу воз, на нем сидит Ната. Там так расположены вещи и матрацы, что удобно сидеть. Забираюсь на него, надвигаю шапку поглубже на глаза, ставлю себе на колени корзину с котом, прикрывая им свою звезду, принимаю вид дремлющего. Воз медленно ползет по Шлокской⁸¹. Сажу, и предо мной проходят воспоминания многих-многих лет. Все прошлое начинает уже казаться сказкой, далекой, милой. Моросит мелкий-мелкий дождик, шоссе, как лакированное. Изредка проходит трамвай. Воз мерно покачивается. Привычным окриком извозчик понукает лошадь. Тоскливо. Ната, закутавшись, дремлет. Цапкин от поры до

⁸⁰ Зегевольд — историческое название Сигулды.

⁸¹ Шлокская — историческое название улицы Слокас.

времени рвет мешок и мяукает. Воз медленно, но верно приближается к цели. Как хотелось бы, чтобы она была бесконечно далека, чтобы воз катился бесконечно долго.

Задвинье уже позади, мост за нами; все ближе и ближе к колючей проволоке. Воз с Московской сворачивает на [улицу] Лачплеша. Справа забор гетто, еще несколько минут — и мы въезжаем в ворота. Садовниковская улица. Грубый булыжник. Воз покачивается и трясется. Впереди нас и за нами тоже возы. Улицы полны народу. Звезды, звезды без конца. Странно, но чувствуешь себя за забором, фактически в плену, свободнее и увереннее, чем вне. Тут сказывается стадное чувство человека. На [улице] Лудзас, перед домом, где живут Гутманы, останавливаю воз. На дворе оставляю вещи стариков, потом едем дальше. Вот и наша [улица] Маза Кална, номера 11, 9, 7 и наш 5-й номер. Взяв разбег, лошадь сопя втаскивает воз в ворота. Приехали. Нужно торопиться, чтобы извозчик успел сделать еще одну поездку. Наскоро втаскиваем барахло, пока в сарай. Выпускаю Цапкина из мешка. Пустая квартира ему не нравится, и он хочет улизнуть, боюсь его выпустить, чтобы он не пропал — Аля и Дима будут огорчаться. Запираю сарайчик и направляюсь к Гутманам втаскивать вещи стариков.

Живут они во дворе, на четвертом этаже. Трудно будет старикам подниматься. На лестнице такой кошачий «дух», что можно задохнуться.

Впускает меня Анна Григорьевна. Она набрасывается на меня с вопросами. Ждали, что вчера приедем. У Гутманов комната и кухня. В комнате, где спят Гутман, [его] жена и дочери, за шкафом место Самуила Львовича. Анна Григорьевна будет жить на кухне. Хорошо, что Анна Григорьевна сильно похудела и осунулась, а то вряд ли поместилась бы в части маленькой кухни. Гутман — адвокат и, конечно, большой политикан, набрасывается на меня с новостями. Строит всякие воздушные комбинации. Я слишком тороплюсь и поэтому не вступаю в рассуждения, а втаскиваю барахло.

Кое-как устроились и разместились. Анна Григорьевна шепчет, чтобы я ей сделал загородку или занавес, чтобы она не была так на виду у всех. К сожалению, этого никак нельзя сделать, так как тогда будет закрыто окно и во второй половине кухни будет темно. Обещаю ей что-нибудь устроить и отправляюсь к себе. На Лудзас, проходя мимо маленького домика, [слышу, что] меня кто-то окликает. Вижу в окне знакомого жестянщика М[аркушевича]. На несколько

минут соглашаюсь зайти, ему очень хочется закурить и заодно поболтать. У него большая семья — несколько взрослых дочек, одна с детьми, все в одной комнате. Жена его, хотя и не больше сорока лет, настоящая старуха, к тому же одни кости, вследствие чего на жилплощадь не претендует, и спят они втроем на одной узкой кровати. Спрашиваю, где он работает и как он живет. Не жалуется: он всю жизнь нуждался, и нужда ему близка, как мать. Работает он у немцев. Я думал — как мастер-специалист, лучше отношение и все-таки свое ремесло. Когда я высказал эту мысль, он отшатнулся от нее:

— Как! Я буду для них работать как жестянщик, я буду приносить им пользу?! Они даже не знают, что я умею жечь резать. Я работаю, как всякий ничего не умеющий еврей, а если я с голоду схожну, я не скажу, что я жестянщик.

Хоть эта встреча и оставила тяжелое, печальное впечатление, все же осталась светлым пятнышком. Маленький, никем не отмеченный, никем не замеченный, а храбрый и сильный духом человек. После этой встречи я его в гетто не видел, наверно, расстреляли.

Придя к себе, затопил плиту, поставил варить картошку. За именем клея для обоев придумал использовать для этой цели картошку. Макулатура у меня оригинальная: у моего отца была коллекция старинных еврейских книг в солидных кожаных переплетах, некоторые довольно ценные экземпляры. Мама в свое время собиралась подарить их общине, но как-то все не решалась. Книги эти очень большого формата, почти как газетный лист. Вот этими-то книгами я воспользовался, хоть на что-нибудь пригодились.

Стук в дверь. Отрываюсь от работы и впускаю Сережу [Гуревича]. Оказывается, Владек (инженер) смог ввезти в гетто обещанную тонну картошки. Зная, что у меня «особняк», к тому же рядом сад, куда в случае чего можно закопать, привез ее сюда. Тонна картошки — это не фунт изюма, хотя она рассчитана на несколько семейств. На зиму хватит, а там, весной, уже гетто не будет. За зиму немцы в России перемерзнут, как тараканы, — в этом никто не сомневается. Одна забота, чтобы картошка не замерзла. Втаскиваем мешки в сарай, прикрываем их ковром, для маскировки, заваливаем стульями.

Внешне на Сережу приход немцев удивительно хорошо подействовал. Был таким жирным, неподвижным, типичный буржуйчик-



Сергей Гуревич.
Фото начала 30-х годов

белоручка. Теперь узнать нельзя: стал стройным, поворотливым, с легкостью помогал втаскивать мешки.

Не успел уйти Сережа, как является наш «дворник» — Фридман. Он бывший торговец мясом, производит впечатление мастерового. Он латышский «*atbrīvotājs*»⁸² и «*kara invalīds*»⁸³. По знакомству ему дали место дворника на этом участке; тут кроме моего особняка еще два двухэтажных дома. Пришел осведомиться, куда это так много картошки, спрашивает, нельзя ли получить пуру. Не желая, чтобы весть о картошке разнеслась, обещаю ему как «дворнику» дать один мешок. На этом основании сразу становимся друзьями. Рассказывает, что в саду [есть] землянка, где хозяин зимою держал картошку, она в полном порядке и ее можно будет использовать, только [надо] устроить все это ночью, когда никто не видит. Кто может поручиться, что самые честные люди [ее] не сопрут. Да, честность — привилегия имущих.

Вдруг слышу на дворе знакомый лай — лай Чарли. Цапкин оживился и заметался у двери, он тоже узнал знакомый голос. Входят Аля, Чарли, и как-то сразу помещение ожило и стало даже теплее. Приехал последний воз с мелкими пожитками и дровами. Извозчик торопится, хочет еще сегодня заехать за Чунчиком и поэтому

⁸² Освободитель (*латыш.*), т. е. участник Освободительной борьбы (*Bri-vības cīņas*) — войны за независимость Латвии 1918—1920 годов.

⁸³ Инвалид войны (*латыш.*).

дрова просто скидывает во дворе. [Идет] дождь, и там их оставить не хотим, дружно беремся за работу. Аля хотя и устала, но работает — тащит поленья, не отставая от меня. Цапкин выбежал на двор, Аля волнуется, не пропал бы. Я рад, что у нее еще жива забота о коте, значит, еще «жива». Серьезное беспокойство — это девочка. Мы ее оставили у Мими, а гетто могут закрыть в любую минуту. Нас же не предупреждают о всяких мерах и распоряжениях, [а] ставят перед свершившимся фактом. В течение нескольких минут выселяют, забирают на работу, без предупреждения расстреливают. Про себя думаю, что никакого несчастья не будет, если девочка вообще останется там. Мими ее не бросит, а девочка не мальчик⁸⁴, что она не «арийка» доказать не смогут, и если даже Мими умрет, то соседи ее воспитают. Если мы спасемся, мы ее найдем, если погибнем, так она будет жить без нас. В этом возрасте у ребенка нет проблем. Але боюсь даже намекнуть на эту возможность.

* * *

Будем работать — клеить обои до утра, чтобы скорее все привести в порядок. Обоев у нас много, но все разные обрезки и остатки. Предлагаю клеить их наоборот, узором вниз, но Аля хочет иметь квартиру красивую, чуть ли не художественную. Она увлекается, подбирая тона и узоры. Одну «комнату» удастся скомбинировать в бежевых тонах, другую — в голубовато-синих. Подбираем бортики, комбинируем. По мере того как появляются на стенах обои, квартира принимает какой-то игрушечный вид, как декорации на сцене. Из-за того, что подбираем цвета и комбинируем, теряем несколько часов и вряд ли сможем за ночь закончить. Убеждаясь, что закончить нам не удастся, решаем несколько часов отдохнуть и поспать. Устраиваемся вчетвером — с Чарли и Цапкиным. Хотя устали, заснуть не можем. Аля ломает себе голову, как расставить мебель, куда что повесить. Тревожит ее мысль, что за перегородкой, которая не доверху, будет моя мама, что единственное удовольствие, которое мы себе сможем позволить, будет нарушаться ее присутствием. Невольно думаешь о бедных людях, где несколько пар ютятся в одной каморке, где собственностью является не комната, только кро-

⁸⁴ Намек на обрезание — религиозно-мистический обряд удаления крайней плоти мужского полового органа.

вать. Вспоминается немецкая поговорка: «*Liebe ist Schweinebraten der armen Leute*»⁸⁵.

Наутро встаем чуть свет. Это Алина первая ночь в гетто. Какая она стала худенькая и серая, грудки — пустые тряпочки, а мне она стала дороже, стала до боли любимой и родной.

* * *

Дождя больше нет, погода ясная и мороз. Сентябрь и мороз. Первая мысль: какое счастье — ранняя зима. Немцы, наверно, на это не рассчитывали. Нам долгая и холодная зима тоже в тягость, дров у всех мало, но что́ мы?

Пришла мама. У друзей Роммов для ее ночлега нашелся только стул. Она на нем просидела всю ночь. Много, наверно, продумала, о многом вспомнила, наверно, завидовала папе, что он давно умер. Пришла предложить свою помощь. Поглядел на нее, сравнил с моей прошлой мамой, и тоже стало как-то жутко. Как люди в горе быстро тают!

Явился Фридман за паспортами для приписки. Теперь только выяснилось, что у нас еще нет ордера, если об этом узнают, нас могут выставить. Нужно скорее бежать в *Judenrat*. Так как у каждого из нас там свои знакомые, идем для большей уверенности в успехе вдвоем. В это время на дворе *Judenrat*'а довольно пусто. Ордер обещали выдать, придется только обождать. Аля встретила знакомую, а я вышел на крыльцо дышать свежим воздухом. Пока стою и втихомолку курю, подъезжает грузовик. Вылезают из него толстый немецкий солдат и усатый лет сорока пяти — пятидесяти патриот с повязкой. Удивило меня то, что все находящиеся на дворе евреи засуетились и, как мыши при виде кота, растерянно, лихорадочно стали исчезать, прятаться где кто может. Усатый патриот стрелой влетает во двор, хватая первого попавшегося, передает его немцу, а сам мчится ловить следующего. Наловил он человек шесть, немец их выстроил в ряд и держит под шахом⁸⁶. Я стою, как идиот, и наблюдаю за этой охотой, совсем не приходит в голову, что в любой момент может и меня зацапать. На двор выбегает старый Кауфферт — член *Judenrat*'а, довольно пухлый старичок. Усатый с криком

⁸⁵ Любовь — это свиное жаркое для бедняков (нем.).

⁸⁶ То есть под угрозой нападения (автор пользуется шахматной терминологией).



М. Блуменау.
Фото ок. 1930 года

«*Diesen Dicken Juden auch!*»⁸⁷ кидается на него. Кауферт выворачивается, указывает на свою голубую повязку на рукаве — никаких гаек, усатый патриот выхватывает револьвер и под его дулом ставит Кауферта в ряд с другими, уже пойманными. Тут патриот заметил меня, ястребом подлетает. Я как-то машинально вытаскиваю из кармана записку, из которой видно, что я занят на работе по ремонту общественного здания. Патриот, даже не заглянув [в записку], тянет меня за собой, взором следя за следующей жертвой.

Стою с остальными и жду. Немец говорит, что поедем что-то грузить, всего [на] несколько часов, потом всех привезут назад, дадут даже сигаретки. Кауферт слишком волнуется — там что-то не так. То, что усатый захватил Кауферта, оказалось нашим спасением. Через минуту выскакивают из *Judenrat*'а В. Минскер и [М.] Блуменау — члены. Блуменау, высоченный плотный мужчина, подбегает к нашей группе, а Минскер бежит в здание рядом, к «хозяину» гетто — немецкому офицеру. По дороге усатый хочет Минскера задержать, тот, оттолкнув его, пробегает. Следовать в дом коменданта патриот не решается и возвращается в бешенстве к нам. Думал, что [для] Блуменау настал последний час. Блуменау, весь налившийся кровью, до последних сил сдерживаясь, чтобы не броситься и не из-

⁸⁷ И этого толстого еврея тоже (*нем.*).

бить патриота, тычет ему в лицо свои знаки отличия — свой знак освободителя, свой чин *virsnieka vietnieka*⁸⁸ латышской армии. Внушительная внешность, уверенность в правоте и моральная сила заставили патриота опешить и растеряться. Эти минуты были решающими — в сопровождении Минскера во двор вбегает офицер-немец. Вообще-то немцу, конечно, наплевать, что происходит и что произойдет с десятком евреев, но он не может допустить, чтобы у него, в его огороде хозяйничали другие без спросу. [Он] сразу набрасывается на немца и [на] патриота. Как на экране, происходит метаморфоза героев. Заикающимся, дрожащим голосом, не убирая руки от шапки, лепечут всякие извинения, просят прощения за самовольничанье и т. д. Мы, не ожидая дальнейших событий, быстро смываемся.

Вхожу в *Judenrat*, там страшное волнение, и из всех отделов высыпают служащие. Аля с плачем кидается ко мне. Никак не пойму, в чем дело, чувствую, что что-то необыкновенное, но не знаю, что. Придя в себя, она рассказала то, что узнала от служащих *Judenrat*'а. Уже несколько раз эти типы приезжали, наскоро набирали грузовик евреев и укатывали. Из забранных все исчезали — как выяснилось, они их увозили в лес, все лучшие вещи, деньги, часы, портсигары и т. д. забирали, а [потом] приканчивали. Пока это происходило вне гетто и пока еще не было забора, это никого не интересовало, но как только гетто стало чем-то законченным и в ведении коменданта-немца, такое положение стало нарушением порядка. Немецкая аккуратность таких вещей не любит. Нехвати патриот Кауферта, члены *Judenrat*'а остались бы пассивны, и этот тур опять удался бы.

Там же, в *Judenrat*'е, узнаём, что гетто закроется 8 октября, не раньше⁸⁹. Это сообщение нас успокоило насчет девочки.

Евреи, чтобы избежать появления на «опасных» улицах, соединили дворы между собой. На обратном пути мы пользуемся этими лазейками и благополучно, с ордером на руках, возвращаемся к себе. С припиской для нас [обстоит] неуютно. Принадлежим как жители Московского форштадта к тому же участку, что и «Кузнецовка». Там полицейские из жителей этих кварталов, и если моя фамилия попадет в руки того, кто меня знает, а это весьма вероятно,

⁸⁸ Заместителя офицера (*латыш.*).

⁸⁹ В действительности ворота Рижского гетто закрылись 25 октября 1941 года.

то тут уж верный мат. После всех моих прямо-таки чудесных спасений не слишком волнуюсь.

За время нашего отсутствия мама как следует натопила, и вместо того, чтобы работать, ужасно хотим спать, но берем себя в руки и усердно работаем. После обеда квартира оклеена, и мы беремся за мытье полов. Аля думала, что это дело женское и мне посоветовала заняться более продуктивным трудом. Вскоре она убеждается, что ей с этим полом не справиться. Так как там была столярная мастерская, то он, помимо грязи, покрыт корой клея, краски, лака и т. д. Где-то достаю ведро опилок [и] гравий, нагреваем бельевой котел воды, и после нескольких часов упорной работы наш пол приобретает «приличный» вид.

Но у нас новое несчастье. Хоть над плитой и устроена оттяжка для пара [и] всех этих испарений, она не в состоянии [все их] собрать, и наши обои местами совсем набухли и вздулись. Со всех углов, со всех окон капает. Нужно открыть все окна, устроить сквозняк, топить и выпускать драгоценное тепло на улицу. Каждое полено, что понапрасну сжигаем, нас огорчает. Мама охает, что в этой квартире от сырости заболеют дети, что нельзя будет жить. Злюсь, не знаю, для чего она каркает, все равно [ничего] изменить нельзя. Аля молодец, она внешне хотя бы всем довольна и берет все таким, как оно есть.

Наша уборная — вне штата. Так как во всех квартирах они имеются, наша была только вспомогательной. Она далеко во дворе, сбитая из старых досок, со щелями, что любая кошка пролезет. Для чтения газет в теплое время, может, и неплохо, благо светло, но для других надобностей, в особенности зимой, место весьма неуютное. Женщины вообще, а Аля в особенности, от таких холодных кресел легко заболевают, поэтому считаю необходимым обзавестись собственным салоном, со всеми «удобствами». Нужно набрать материал, чтобы завтра же этим заняться. Разыскиваю в саду старую полуразвалившуюся бочку, небольшой, чуть побольше ведра, бочонок, еще разный мне нужный хлам. Залезаю в погреба соседних домов и выволакиваю несколько дверей. Пока я занимаюсь всем этим грабежом, наступает вечер. А у нас с квартирой еще далеко не покончено. Много еще разных мелочей, берущих массу времени.

Пока проветривалась квартира, Аля была у Данцигеров, [чтобы] навестить Диму. С ним Данцигеры имели много хлопот. Он до того

боится немцев, что ни за что не выходит из дому. Туся с сынишкой хотела забрать его с собой на улицу, но он ее так умолял этого не делать, он так дрожал и боялся, что она его оставила. Оставшись один со стариками, он все время плакал по своей маме и этим портил их и так уже плохое настроение. Аля вернулась, горюя, что должна была его там еще оставить. Это, конечно, все мелочи жизни, но они ее еще усугубляют.

В этот вечер мама осталась с нами. Я внес некоторую мебель, Аля занялась стиркой. Зашел рядом к соседям, это мой бывший соученик Магарик. Живет он с женой, шестилетним сыном и тещей. Вначале думал, что это старшая сестра его жены, на вид довольно милостивая, видно, когда-то была очень красивой. Сидела она как-то странно, неподвижно. Вдруг она встает, берет меня под руку, говорит, чтобы я с ней вышел — она со мной должна поговорить. Магарик и ее дочь нас как-то хотят задержать, но я с ней уже во дворе. Она мне крепко жмет руку и полупрошептом говорит:

— Послушайте, я вам должна сказать, но чтобы только дети не узнали, — нас всех сожгут, я даже знаю, когда, но я этого никому не скажу, это моя тайна. Зачем вы строите себе квартиру — шейте саваны, саваны, я вам говорю. Я считаю долгом предупредить вас: нас всех сожгут, а когда нас будут жечь, тогда мы должны кричать так, чтобы в Америке нас услышали. Понимаете, стройным хором, хором, как в синагоге, нужно кричать. Своей жене вы еще ничего не говорите, когда придет время, я сама всем скажу, это моя тайна, моя, помните это и молчите.

Хотя я был без пальто на морозе, мне стало жарко. Сразу понял, что передо мною больная. Заверил ее в том, что никому ничего не скажу, и привел ее назад. [Когда я] уходил, Магарик вышел со мной:

— Она тебе, наверно, говорила, что нас будут жечь? Она всем это говорит. Понимаешь, она видела, как жгут синагогу с людьми, и она сошла с ума. До этого она была удивительно живой, интересной, умной женщиной. Теперь она либо сидит, как окаменелая, либо ходит по двору взад и вперед, либо предупреждает. С ней жутко в одной комнате. Бедная жена, она так любит маму.

Свое «обещание» я сдержал, дома никому ничего не сказал. Ее шепот и безумие нагоняют жуть.

Начинает снежить, а мороз не убывает, неужели уже зима? Дома пара и сырости больше не чувствуется. Аля сварила картошку,

вскипятила чай. Аля у Данцигеров слыхала всякие новости «ИВА», из которых единственная правдоподобная — это то, что выступит Америка. Вообще-то это для Германии гибель, но, по всей вероятности, это жестоко отразится на европейских евреях. Пока немцы дают нас на съедение всяким латышам, эстонцам, румынам и т. д., сами умывая руки, все-таки хотят сохранить некоторый вид гуманности. Если же выступит Америка, им не с кем будет хоть сколько-нибудь считаться, и тогда... Видно будет.

* * *

Говорят, что кошки привыкают только к месту, — это неправда. Вот Цапкин, несмотря на то, что квартира пустая, чужая, без знакомых запахов и вещей, знает, что это его дом, и даже уже охотится в сарае за мышами. Хорошо, что забрали кота и собаку, они вносят много уюта.

Картошка и чай имеют неприятное свойство: через час опять голоден, к тому же сильно действует в обратном направлении. Наши — еврейские — порции такие, что можно жить, если не двигаться, не работать, а лишь спать. Тогда, пожалуй, они дадут возможность не сдохнуть. Если же работать, двигаться и жить, то это насмешка. Помимо того, что они вдвое меньше христианских, они состоят из негодных продуктов. Овощи или мерзлые, или гнилые, [или] и то, и другое. Мясо — жилы и кости. Единственное — хлеб как хлеб, но сколько его? Кот наплакал. К сожалению, у нас почти никаких запасов. Два килограмма шпика, три килограмма масла, пятьдесят яиц, небольшой горшок сала и всякие другие мучные изделия в соответствующем количестве. Если мы, [взрослые], этим пользоваться не будем, то для одних детей и то не надолго хватит. О том, что немцы позаботятся, чтобы этого на наш век хватило, мы не догадываемся и поэтому серьезно озабочены. Хорошо, что эта тонна картошки лежит у нас.

Некоторые евреи запаслись немелко. У Данцигеров и у М[арии] И[вановны] чуть ли не восемьсот коробок консервов и остального тоже немало. У кого-то из знакомых десять копченых окороков. Аля с некоторой долей зависти перечисляет эти богатства. Это простиительно: ее больше всех тревожит мысль о детях.

* * *

С утра Аля занялась наведением последней чистоты — мытьем окон, дверей и т. д. Я принялся за возведение храма. В сарае выкопал яму, вставил большую бочку, предварительно выбив дно, над нею построил пол. От бочки провел трубу через крышу для вентиляции. В маленькой бочечке, тоже без дна, устроил нечто вроде клапана, к верху прикрепил кольцо с крышкой, украденной из нашего дома, и получилось — что надо. Награбленные двери послужили стенами, провел даже электричество. Когда я Алю ввел туда, она ахнула. В этот день решили еще проветривать и сушить квартиру.

Работая, минутами забываешь, где ты и кто ты, зато после невольно вкрадываются мысли сомнения. Для чего? Стоит ли возиться, хлопотать. Один из соседей, большой оптимист, к тому же дурак, видя меня за работой, уверял, что занимаюсь глупостями, что не стоит ничего делать, так как скоро поедем на наши старые квартиры. Я тоже надеюсь, что размеров моей бочки хватит, но все же вкопал бы бóльшую, если бы таковая была.

Пришел Сережа, и, так как стемнело, взялись перетаскивать картошку в землянку. За исключением нескольких мешков, предназначенных для нас и [для] Фридмана, всю закопали в надежде, что она не замерзнет. Чувствуешь, как слабеешь при нашем питании, после переноски мешков были без сил. Вспоминаю, как еще полгода тому назад играючи разгружали грузовик с гипсом для нашей мастерской.

Аля тем временем квартиру привела в такой вид, что завтра внесем мебель, все устроим и поселимся всей семьей. Наша квартира обладает большой притягательной силой для жильцов соседних домов. То и дело являются любопытные и просят разрешения посмотреть. В свое время они все видели эту будку, но не решались даже осмотреть ее. Теперь они охают и ахают, некоторые хотят менять на свою. Меня осаждают всякими советами и просьбами помочь сделать то-то и то-то. Среди евреев мало мастеров по строительству и ремонтам. К тому же большая часть мужчин пропала. Квартиры все в скверном состоянии, всюду чего-нибудь не хватает или что-нибудь в неисправности. Видя, что я сам справляюсь со своей работой, каждый хочет меня заполучить. Пока всем обещаю, что, когда справлюсь со своей работой, что-нибудь и как-нибудь устрою.

Интересный тип один из соседей. Его зовут Гуревич, и он лесопромышленник. Узнав, что Аля урожденная Гуревич, он пришел ко мне на родственных началах за всякими «советами». Снял он рядом в доме, в нижнем этаже, бывшую мастерскую. В общем, это просто очень длинная комната. Получил он ее на свой ордер и числится якобы ее хозяином, хотя кроме него там живет еще куча народу. Ему лет шестьдесят, толстый, живой, все время играет вставной челюстью. Говорят, что он очень богат и страшно скуп. Из меня он хочет извлечь максимум пользы, но чтобы это ему как «родственнику» ничего не стоило. Начинается с того, что угощает папиросой, после этого [следуют] хвалебные гимны Самуилу Львовичу, затем удивление, какие у меня «золотые руки», и между прочим:

— Знаете, у меня в плите — это мелочь, — там в духовке дыра, пойдёмте, я вам покажу, для вас ведь это момент, нате, закурите, пока вы отдыхаете, вы это приведете в порядок, мы ведь с вами родственники, хе-хе.

— Я теперь занят, видите, что я работаю, когда у меня все будет в порядке, тогда зайду.

Такие и подобные разговоры у меня с ним все эти дни в течение целого дня. Он, кажется, мною недоволен и считает бессердечным человеком.

* * *

Квартира высохла и приняла совсем приличный вид. Аля и мама весь вечер измеряют и спорят о том, как и что поставить. Меня это мало интересует, и [я] в их дела не вмешиваюсь. К ужину — картошка, кусочек хлеба, чай, и опять ночь. Мы начинаем привыкать к новому месту, мы медленно начинаем перерождаться, и скоро мы станем другими людьми.

* * *

С самого утра занялись расставлением мебели. Как я предполагал, большая часть осталась в сарае и на дворе. Одни кровати заняли все место, но в общем не страшно. Над Диминой кроваткой висят его любимые картинки — мальчик с собакой и фотография Али с Чарли. Алина Мона Лиза тоже на стене. Вообще Аля устроила все очень по-домашнему. В углу ее треугольная этажерка с книгами, аль-

бомами с ее любимыми снимками. Даже пара кактусов на окне. На полу — вчетверо сложенный ковер, чтобы девочка не простудилась. Нашу «комнату» отгородили от кухни раздвижной портьерой. Получилась хорошенькая кукольная квартирка. Так как сами все это сделали, нам даже уютно, и как-то не чувствуешь гнета гетто, минутами кажется, что мы где-то на даче или в чужой стране. Чарли, кот. Димочка уже сегодня поселится с нами, а за девочкой Аля пойдет завтра.

* * *

Димочка счастлив, что он снова с нами, вернее, с бабушкой, мамой, Чарли и Цапкиным. Мне больно, но я с ним не могу возиться и проявлять нежность, я вообще теряю все чувства и сочувствие, за исключением Али. На дворе дети, они играют, дерутся, бегают, а Диму нельзя заставить быть с ними. Он боится выйти из дому. Выйдя со мной или с Алей, он ни на шаг не отходит. Я понимаю, что заставляю его глупо и преступно, но меня злит эта боязнь. Мне хочется, чтобы он был с другими детьми, чтобы не слышал вечно эти невеселые разговоры взрослых. Я упрекаю его в трусости и говорю, что он не мальчик, а девочка. Диму это злит, и мы в дурных отношениях.

Мы эти дни заняты своими личными делишками и совсем не знаем, что в гетто. Наш дом как-то в стороне, и очень тихо, между тем в центральной части совсем неуютно. С утра до обеда происходит охота — ловля на работу. Занимается этим «святая тройка»: немецкий лейтенант Станке, фельдфебель Тухель и местный немец, невоенный, Дралле. Технически обставляют [все], как на охоте с загоном. Дралле в штатском заранее занимает место на [улице] Лудзас, а Станке и Тухель появляются с ее концов. Евреи, удирая от них, попадают к Дралле прямо в лапы. Боятся этих работ не работы ради, а дело в том, что при выходе на работу и по возвращении в ворота поджидают патриоты и немилосердно бьют. Бьют, как кому нравится, — кулаком, палкой, ногами. Бьют вслепую, не разбирая, кого и как, просто так, чтобы отвести душу. Евреи себя утешают тем, что это только пока закроют гетто, потом будет порядок и... справедливость. Работающих, мол, трогать не будут.

Наша *Mazā Kalna iela* тоже встревожена. Прошлой ночью наискось от нас были неприятные гости. В квартире, в партере дома

номер 8, высадили окна и появились пьяный немец и несколько, тоже пьяных, патриотов. В квартире находились старик, старуха, женщина с маленьким ребенком и девушка. Стариков избили и велели залезть под кровать, а молодым женщинам велели скинуть рубашки и плясать. Девушке в одно место ткнули дуло револьвера, обещая спустить курок. После этого развлечения переломали мебель, испражнились в комнате и, не взяв ничего, удалились. В связи с этим Фридман меня попросил снять с ворот колокольчик. Так он со спокойной совестью сможет в восемь часов вечера запирать ворота и не должен будет реагировать на стук, благо ворота далеко от дома. Это, конечно, политика страуса.

* * *

Аля с утра пошла в Зассенгоф за девочкой. По дороге хотела зайти к своей подруге Л[юсе]. Хочет после закрытия гетто с ней поддерживать связь, хотя бы изредка друг друга видеть. Я навожу порядок в сарае, стараюсь все разместить. Как ни жаль, Алин письменный столик остался на дворе, для него места не нашлось. У нас старики ждут внучку. Так как у Гутманов неудобно обедать, старики обедать будут у нас. Дима обожает дедушку и командует им всюю. Дедушка исполняет все его капризы и желания, что Диме, конечно, очень приятно. К сожалению, общество дедушки самое неподходящее. Все страхи — это его влияние. Так как он полуслеп, стар и слаб, к тому же запуган, он Диму научил всего бояться:

— Дима, не беги — упадешь, разобьешься. Не сходи с тротуара, тебя переедут. Не бери камень — запачкаешь перчатки и т. д.

Это меня тоже злит. В общем, все друг на друга втихомолку злятся.

После обеда Аля привезла Лидию. Устала и расстроена. Тяжело ей было прощаться с Мими. Мими, по свойственной ей откровенности и простоте, расписала все нам угрожающие ужасы в самых черных красках. Она нас всех похоронила, уверяет, что нас всех либо отравят газами, либо сожгут все гетто. Эти перспективы, хоть и фантастичные, Алю взбудоражили. Была у Л[юси] и сговорила с ней по воскресеньям встречаться через проволоку напротив православного кладбища на Большой Горной⁹⁰. Хотят от поры до времени

⁹⁰ Большая Горная — историческое название улицы Лиела Кална.



Улица Лиела Кална.
Современный вид

просто видеть друг друга хоть издалека. Мими и наша дворничиха обещали через проволоку, по мере возможности, передавать продукты. Аля надеется, что со временем наладится нечто вроде контрбанды. Если гетто будет существовать, то, без всякого сомнения, что-нибудь в этом роде будет. Тайный контакт с внешним миром наладят, в этом никто не сомневается.

* * *

Девочка, хоть еще очень глупая, но всем своим бабушкам, дедушке и прочим очень обрадовалась и чувствует себя не хуже, чем у Мими. Несчастье только с ее штанами. В такой тесноте только чувствуешь, какое это наказание. Все время натыкаешься лицом и головой на какие-нибудь повешенные для просушки штанишки. Она хотя и говорит «а-а», но всегда *post factum*. Дима взялся за ее воспитание, стыдит ее, называет ее «пэканой девочкой», на что она ничуть не обижается и продолжает «пэкать» в штаны. Вообще наши дети развели в квартире жуткую сырость. Каждый день стирка, купанье, умыванье и т. д. Вечером постель совершенно сырая и холодная, утром вся одежда в таком же виде. Мама и Аля хотят в этих

стесненных условиях жить в чистоте — такой же, как и раньше. Думаю, что это не на продолжительное время, так как не выдержат вечно стирать и вечно все мыть.

* * *

Наконец закрыли гетто⁹¹. Официально заявили, что вся связь с внешним миром прекращается. При разговоре или передаче через проволоку посты будут стрелять⁹². У ворот стража обыскивает всех выходящих на работу и возвращающихся. Самым тщательным образом, конечно, обыскивают женщин, молодых в особенности. Холодными грязными и грубыми руками под общий смех и замечания залезают под одежду, шарят по голому телу. У многих женщин после этого на груди кровоподтеки и ссадины. Мужчин обыскивают поверхностно, но бьют всерьез.

На следующий день после закрытия гетто в городе поймали еврейского парня, ночевавшего у своей подруги-христианки. По приводе в гетто его во дворе караула расстреляли и для острстки показывали. От всего этого настроение у нас всех подавленное, и начинаешь чувствовать себя, как в мышеловке.

Охота за людьми еще усилилась, и теперь даже ночью ловят по квартирам. В общем, это напоминает рыбную ловлю в аквариуме или охоту в зоологическом саду. Охота за зверьми в лесу, пожалуй, спорт: зверь может удрать, спрятаться, сопротивляться. А в гетто что? Со всех сторон проволока, за нею часовые с оружием и мы, как скот в загоне.

* * *

Моя бумажка о работе с закрытием гетто потеряла силу, и я потерял связь с моим работодателем. Работа вне [гетто] меня мало прельщает по многим причинам. Во-первых, контроль у ворот; меня там, помимо побоев, легко кто-нибудь может узнать. Вечные волнения дома, а раз обыск у ворот, все равно ничего существенного принести не смогу. Хочу работать в самом гетто — и приятней, и полезней.

⁹¹ Это произошло 25 октября 1941 года.

⁹² Имеется в виду распоряжение обер-бургомистра Риги Хуго Витрока от 23 октября 1941 года, в ведении аппарата которого Рижское гетто находилось до декабря 1941 года.

В смысле заработка на жизнь семье я не сомневаюсь. Если иметь деньги или ценности, то здесь можно жить, ни в чем не нуждаясь. Было бы глупо утверждать, что среди нас, евреев, нет удивительно ловких и предприимчивых людей. Есть ловкачи, вошедшие в коммерческие сделки с полицейскими, приносящими в гетто все, начиная со шпика и кончая винами, ликерами, даже виноградом. На деликатесы я не зарюсь, но необходимое для детей надеюсь получить за работу, если только смогу получить соответствующую бумажку, ограждающую меня от возможности быть схваченным на работу вне [гетто].

За неделю, что не был в *Judenrat*'е, в нем все сильно изменилось, и он принял вид настоящего учреждения. Формуляры, циркуляры, анкеты и т. д. Вообще производит впечатление, что устраивают нас тут надолго и всерьез. Это и угнетает, и успокаивает одновременно. Угнетает потому, что [это] значит, что немцы рассчитывают надолго здесь остаться; а с другой стороны, нас, как видно, собираются оставить на месте и не тормозить.

Есть люди, остающиеся при всех обстоятельствах теми же выдрессированными обезьянами. Таким экземпляром оказался инженер, заведующий наймом специалистов и ремесленников. Так как я не являюсь специалистом в какой-либо области, кроме своей, здесь не нужной, то объясняю ему, что могу, мол, в наших условиях работать в качестве плотника, мурника⁹³, столяра и печника. На это [он] с довольным, самоуверенным видом заявил, что раз я говорю о стольких ремеслах, значит, по его принципу, я ничего не умею, и объясняет мне немецкую точку зрения об узкой квалификации. После этого я с ним не хотел больше иметь дела. В наших условиях, где большинство не умеет гвоздя вбить, где вообще нет ремесленников, так ему нужна квалификация.

Не долго думая, обратился прямо в технический отдел, где работают, а не рассуждают за столом. Обратился к инженеру Антоколю, человеку работавшему в течение двадцати лет в городской управе как инженер-строитель. Он мне заявил, что во всем гетто нет ни одного печника и если бы я попробовал им стать, то это было бы благом для гетто. Работа по ремонту старых печей — самая грязная и паршивая, так же как [работа] трубочиста, но работа занятная и нужная. Заполнил анкету и получил бумажку, где гордо значилось,

⁹³ Латыш. *mūrnieks* — каменщик.



Лазарь Герцмарк.
Фото 1927 года

что я «Töpfer»⁹⁴ в гетто. Бумажка с печатью немецкого *Arbeitsamt*'а⁹⁵ и будто бы является защитительной грамотой.

В тот же день захожу к моему прямому начальнику архитектору Л[азарю] Герцмарку, заведующему всеми постройками и ремонтами на месте работы. При первой же встрече я с ним подружился. Чисто теоретически обсудили некоторые «печные» вопросы. Поручил мне найти себе подручных — одного или двух — и показал мне целый список неотложных работ; сговорились на следующий день взяться за дело.

Весть о том, что *Judenrat* обзавелся печником, с молниеносной быстротой разнеслась по гетто, и в тот же вечер у меня объявилась первая просительница. Не успел я войти, как Аля, открывшая мне дверь, заявила, что меня уже несколько часов ждет какая-то дама. Мне и в голову не приходило, что это насчет печной работы. Когда я вошел, меня чуть ли не бросается обнимать очень хорошенькая маленькая брюнетка. Больше недели [она] ищет печника, никак не может найти; сегодня ей в *Judenrat*'е сказали, что наконец таковым обзавелись, и вот она уже два часа меня ждет, чтобы, ради Бога, [я] не откладывал, — у нее четырехмесячный ребенок, с которым она

⁹⁴ Гончар (нем.).

⁹⁵ Биржа труда (нем.) — специально созданное подведомственным обер-бургомистру Риги Рижским департаментом труда управление труда евреев, целью которого была эксплуатация рабской еврейской рабочей силы.



Соломон Антоколь.
Фото 1929 года

валяется в приюте (*Azyl*⁹⁶), хотя у нее комната имеется, но там плита и печь полуразвалились. Насколько я помню, в списке у Герцмарка ее фамилии не видел, говорю это и советую зайти к нему. Если он согласится, я, конечно, завтра же пойду к ней. Женщина она, видно, энергичная и, не теряя времени, бежит к Герцмарку.

Не успеваю покушать и рассказать, как и что успел в *Judenrat*'е, как опять стук в дверь. Какой-то господин желает видеть меня. В чем дело? Говорит, что недалеко от нас снял бывшую лавку, поселил туда мать и сестру, только там нет печки. Он достал какую-то маленькую печурку, но у него нет человека, кто бы ее пристроил. Через *Judenrat* он [искать печника] не хочет, так как это безнадежное дело, и просит меня частным образом как можно скорее ему помочь. Мне ужасно хочется курить, а табаку нет. [Он] обещает мне пачку махорки и пару яиц. Это такой соблазн, что обещаю завтра же после четырех часов ему все сделать; авансом получаю три папиросы. Словом, дела с большими перспективами.

Еще во время присутствия этого заказчика — стук, это моя кузина Роза Гиршберг. У нее тоже горе. Сняла она со знакомыми полуготовую квартиру. Там, в общем, почти ничего не готово. Главное, всего одна пара оконных рам, но так как дерево не крашенное, они разбухли и не закрываются — щели в комнате, как на дворе.

⁹⁶ Приют (*нем.*).

Просит меня как можно скорее привести в порядок. Словом, меня, как видно, не хватит, придется стать недоступным. Слава Богу, что разрешено выходить только до восьми часов вечера, и после этого можно спокойно посидеть со своими.

Помощника я себе нашел в лице сына Фридмана, парнишки восемнадцати лет. Инструменты тоже кое-как набрал, словом, с завтрашнего дня вступаю в исполнение своих обязанностей.

* * *

Новый неприятный сюрприз — прекратили выдачу молока. Еврейским детям такая роскошь не полагается. Даже больницы отказали. Если нет молока, не понимаю, чем можно кормить маленьких детей в наших условиях. Относительно своих детей я спокоен, они голодать не будут. Проходя по гетто, заметил большое количество голубей, значит, дичь. На всякий случай забрал в гетто рогатку. В детстве я увлекался стрельбой из нее и достиг некоторой виртуозности в этом деле. На наш век голубей хватит.

У Гутманов дочь двадцати лет, Циля, очень разумная и хорошая девочка. Так как у них нет никаких припасов и живут они впроголодь, Аля собрала несколько ребятишек — Лелиного⁹⁷ Жоржика, Диму и других, с которыми Циля будет гулять и несколько часов в день возиться. За это она будет обедать у своих воспитанников. Это сильно поможет Гутманам и освободит на несколько часов матерей.

Национальным еврейским блюдом стал так называемый кугель из картошки. Это тертая картошка, испеченная в виде хлеба, пирога. К сожалению, в нашей плите нет духовки, и Аля пользуется фридмановской, что является, конечно, неудобством. Как назло, у детей жуткий аппетит, раньше их приходилось упрашивать покушать, теперь они целый день в состоянии жевать. Они пока питаются вполне прилично, и это, как видно, психоз, у Димы во всяком случае. Чарли тоже перестал привередничать и кушает все, вплоть до картофельной шелухи, вареной, конечно. Помню одно лето на взморье, когда Чарли достаивал чести только косточки от карбонада и печенье.

⁹⁷ Имеется в виду Елизавета Бордо (урожд. Гуревич) — двоюродная сестра Ольги Ривош.

Живот в гетто начинает выдвигаться на первый план. У всех разговоры и заботы только изредка сходят с этого пути. Война, политика, будущее — все как-то в стороне, и брюхо надо всем властвует.

Так как были замечены случаи передачи через проволоку, построили второй ряд, но, конечно, не за счет улицы, а за счет тротуара. В некоторых местах — на Ерсикас, Лаздонас и других [улицах] тротуары так узки, что можно пройти только боком, чтобы не изорвать одежду о колючую проволоку. Толстому человеку вообще не пройти. Вообще, во избежание неприятностей *Judenrat* распорядился все дворы на примыкающих к периферии гетто улицах соединить между собой, и все движение происходит по дворам. Наш двор тоже стал проходным, и мимо наших окон все время снуют люди.

Со знакомым мальчиком Б. Заксом, нашим бывшим Зассенгофским соседом, был такой случай. Проходит он по Большой Горной. Улица была пустая. Вдруг окрик постового:

— Жид, подожди, который час?

Мальчик, ничего [плохого] не думая, отгибает перчатку и, посмотрев на часы, отвечает на вопрос и видит направленное на себя дуло ружья.

— Ну, а теперь живо бросай часы вот сюда, в снег!

Так часовые зарабатывают часы. Хорошо, что не расквитался за часы пулей. Говорят, были уже и такие случаи. Словом, наша изоляция стала солидней, чем многие ожидали.

Вечером мы купали девочку. Ей хоть бы что, сидела в ванночке, плескалась, как утка, играла и радовалась. Несмотря на гетто, она круглая и здоровая, прямо удовольствие ее тискать. Димочка ее теперь очень любит, вытирал ей ножки и целовал розовые пятки. Она заливалась смехом и рвала его за волосы. Аля и мама от этой идиллии приходили в восторг. У меня чувство к детям как-то внешне отмирает, все заполняет чувство обязанности доставить им возможность жить.

Говорят, в нужде только показываются настоящие отношения. У меня с Алей нужда показала, что мы друг для друга — все. Никогда раньше мы не проявляли друг к другу столько нежности, заботы и внимания. Часы, когда мы вместе, дают нам силы и надежду, дают нам энергию и желание работать. Я принципиально решил стать сволочью, против желания буду ею. Никто из друзей и знакомых не сможет ждать моей помощи даром. Помимо моей работы для *Judenrat*'а, с четырех часов я свободен и буду брать частные заказы,

ни одной минуты не стану терять для дружеских услуг. Это не так просто, но я не имею права разрешить себе роскошь быть хорошим. Анна Григорьевна и Самуил Львович тоже, как дети, у нас на руках, семья большая, не знаю, как справлюсь с задачей.

После девочки в той же воде «купалась» Аля. Она так похудела, что детская ванночка ей, пожалуй, впору. Мыльную воду не вылили, а оставили для замочки белья. Вот это называется экономия!

Как ко всему привыкаешь. Вначале нам было неуютно в некоторых случаях сознавать, что за перегородкой все происходящее у нас мама слышит и знает. Теперь мы привыкли, и нас это даже не трогает. В примитивных условиях сами становимся примитивами.

Когда-то у меня с Алей и Чарли бывали крупные ссоры. По утрам, когда я уходил на работу, Аля оставалась в постели, и Чарли, как только я закрывал за собой дверь, шмыгал к ней под одеяло и сворачивался у ее ног. Я иногда вторично заходил и ловил его на месте преступления. Под конец мне удалось всего-то, что в моем присутствии этого не было. Теперь Чарли уже ночью залезает к нам под одеяло и греет нам ноги. Я, конечно, делаю вид, что этого не замечаю, не хочу признать его победы надо мной. Цапкин спит в ногах у Димы — тоже его победа.

* * *

Семь часов утра. Мама уже встала, затопила плиту, сварила картошку, вскипятила чай. Надо вставать и отправляться работать. Так не хочется вылезать из нагретой постели. На дворе сильный мороз, и у нас по утрам это сильно заметно. Надеваю несколько слоев всякой изолирующей от копоты и сажи одежды. Пока я закусываю, приходит сын Фридмана Изька со своим приятелем — мои «подмастерья». У меня в портфеле инструменты, мальчишки берут санки с ящиком для материала, и наша тройка направляется к Герцмарку.

Теперь поближе познакомлюсь с жизнью в гетто. Такой морозик, что снег скрипит и нос мерзнет. Вообще-то я мороза не люблю, но в эту зиму ему радуюсь и желаю, чтобы он становился все безжалостней и сильней.

Герцмарка застаю еще полуодетым. Как у всех, занимающих высокие посты, его рабочий день начинается позже. Он примерный муж и отец. У него, хоть на вид он совсем молодой, две больших дочери,



Улица Саркана.
Современный вид

одна даже замужем за еврейским полицейским, [обе] очень хорошие. Не желая тревожить своих [домашних], Герцмарк утром делает все сам: растапливает плиту, варит неизменную картошку и т. д. Застаю его за плитой. Вопрос питания его больше занимает, чем работа, и, перед тем как приступить к деловому разговору, затрагиваем этот всех нас занимающий вопрос.

[Моя вчерашняя посетительница] *т-те* Хейфец таки настояла на своем, и вместо того, чтобы по списку быть последней, стала первой. Первая работа на [улице] Ерсикас, 5. Перед этим нужно заехать за глиной и кирпичом. Это недалеко. Там наша «база» — материальный склад. Герцмарк выписывает ордер на материал, и я с мальчиками направляюсь на [улицу] Саркана. Это вообще не улица, а какой-то полупустырь. С одной стороны редкие дома, на другой — дворы с огрызками заборов. Какой-то низкий амбар, рядом дом — приют для стариков. В амбаре мерзнет какой-то парнишка — заведующий складом. Даю записку и глазами ищу глину. Оказывается, глина и гравий на дворе, и так как густой слой снега и всяких куч много, то раньше всего надо отыскать нужную. Берем лом и лопату и отправляемся на розыски. После нескольких напрасных попыток находим нужное, но глина и гравий так замерзли, что приходится



Улица Ерсикас.
Современный вид

откалывать по кускам. Оставляю мальчиков за этим делом, а сам отправляюсь на охоту.

Нужно вспомнить старину и подцепить голубя. Во дворе приюта вижу целую стаю, копошатся в отбросах. Подхожу как можно ближе и на ходу, чтобы не заметили, натягиваю резинку, момент — и маленькая жизнь погашена. Через секунду он у меня в портфеле — одно жаркое для Димы есть, теперь еще для девочки. Пока мальчики кололи глину, у меня в портфеле очутились два голубя. На Ерсикас дорога ведет мимо нашего дома, по дороге забегая домой и вешаю свою дичь в кладовую — пусть будет сюрприз для Али.

Кусочек по Ерсикас ведет по такому узкому тротуару, что с трудом протаскивается ящик. Рядом с нами проходят на работу рабочие, такие же, может, как и мы, но между нами проволока, и она создает бездну. Стараюсь не видеть и не замечать людей за забором. Проскальзывает мысль: так себя, наверно, чувствуют звери в зоологическом саду.

Дом номер 5. Старые тяжелые ворота, косяя калитка. Справа — большой дом. Слева — старая, полуразвалившаяся халупа. Крутая узкая деревянная лестница, ступеньки протерты и стоптаны. Упираюсь в дверь с окошечком, наполовину забитым фанерой. Стучу. Раз, другой — никто не открывает. После более энергичного повторения дверь открывается. Мансардная средней величины комната, стены черные и косые, окна такие же, несколько квадратиков заклеены бумагой. Холод, как на дворе. Пол, как латгальская дорога, — весь в выбоинах и ямках, по краям бутылками заткнуты крысиные дыры. Посреди комнаты стол, табуретка, рядом старый большой топор, торчащий чуть ли не посреди топорщица. У стены старая, косяя, облезлая железная кровать, заваленная ворохом всякого тряпья. Хозяйка этой «квартиры», после того как впустила меня, первым делом забралась под него и только тогда спросила, кто я и зачем пришел. Думал, что она по случаю моего прихода выразит радость. Но глубоко ошибся. Ей все безразлично, она живет в этой комнате уже много-много лет, печь и плита всегда были не в порядке, но она к этому привыкла. Когда совсем не тянет, она ходит за кипятком к соседям. Весь этот ремонт и починка — фантазия этой «дамы», ей нужен ремонт, будто бы так нельзя жить, привезли бы дрова, и все.



Дом на улице Ерсикас, 5.
Современный вид

Стены черные, немного дыма — это глупости. Все это говорится с таким видом, что не знаешь, смеяться или плакать. Теперь только с любопытством вглядываюсь в нее. Старуха лет шестидесяти-семидесяти, может, и моложе, лицо немного напоминает морду старой лошади: вытянутое, отвислая губа, вся серая, глаза большие черные, без всякого выражения. На лице написано такое безразличие ко всему, что становится как-то странно.

Берусь за разборку плиты и исследование печки. Жутко, в каком они виде. Мне как начинающему «спецу» придется пораскинуть мозгами, как это все исправить. Напускаю, конечно, вид старого знатока. Так как глина моя в виде камня и мне нужна горячая вода, прошу старушку мне в этом деле помочь. С тем же безразличным видом она вылезает из своего логова и отправляется к соседям за горячей водой. Приходит [обратно] и говорит, что [вода] скоро будет. Пока я вожусь, вступаю с ней в беседу. Это нетрудно — она, как все старухи, любит поговорить. То, что происходит на свете, ее мало трогает. У нее никого нет, муж во время прошлой войны умер. О его смерти говорит тоже как о чем-то неважном:

— Был здоровый мужчина, а здоровые и толстые труднее переносят голод. Вот он стал пухнуть, пухнуть и умер, а я всегда была дохлая и с голоду не так скоро умираю.

От работы мне становится тепло, снимаю пальто, смотрю, куда бы повесить. На стене вижу гвоздь, но мне жутко: наверно, клопы, вши и т. д. Спрашиваю:

— Скажи, матушка, а у тебя на стене клопов и вошек нет, можно повесить пальто?

— Как же, милый, все есть — и клопы, и вши, только можешь спокойно повесить: в такой холод они не вылезают из нор. Когда вытопит «дамочка», тогда они по стенке пойдут, а пока они только тут, — при этом она указывает на свой квартал — кровать.

Чувствую, что она в этой области зоологии на высоте, ей смело можно поверить. Не хочу ее тревожить и говорю, что сам пойду за водой, заодно хочу поглядеть на ее соседей. Рядом с ее дверью еще одна, забитая старым одеялом. Меня выпускает маленькая девочка. Сразу вижу, что тоже местные. Комната и кухня приблизительно в таком же состоянии, как у моей старушки, только завалены всяким хламом. На окнах даже какое-то подобие занавесок. Не берусь судить, какого они первоначального цвета, может, с самого начала для экономии были темно-серые, а может, такими стали. Живет тут

большая семья — несколько маленьких детей, подросток, какая-то старушка, взрослые. Посреди комнаты на горшке сидит маленькая девочка и играет тряпочкой. Кровати, видно, не стелятся, а остаются такими, какими их оставляют. Запах описать довольно трудно — такая смесь всего, что, только приняв душ, можно в нем разобраться. Там и [запах] детских штанишек, и горшка, и лука, [и] пота, едкий запах неподмытой, грязной женщины, копоты — словом, самый изысканный букет. С ужасом думаешь, каково здесь летом, в духоте перед грозой. Эти люди тут живут так из поколения в поколение. Жили они тут так благодаря чрезмерному богатству, ведь евреи все — богачи и все живут на *Vilandēs ielā*⁹⁸!

Вода еще холодная, ждать тут неудобно, теснота. Войдя к старушке, встречаю там уже *m-me* Хейфец. Она яркий контраст в этой обстановке. Хоть одета она не роскошно, но хорошо, чисто, даже кокетливо. Ее хорошенькое личико чуть подмазано, и она, хоть и брюнетка, выглядит светлым пятном. Ей будет нелегко привыкнуть к этой жизни. Она решила во что бы то ни стало комнате побелить и оклеить обоями, хочет, как видно, из говна сделать конфетку. Торопит меня как можно скорее все привести в порядок. Мальчики месят глину — пока приготовят, пройдет некоторое время. В лучшем случае смогу сделать за сегодня плиту, печь — завтра. Повздыхав, она уходит. Старушка покашливает под слоем своих тряпок. Моим помощникам почти нечего делать, они смотрят, как я работаю. У меня коченеют руки от холодной глины, от поры до времени опускаю их в горячую воду. Тороплюсь, скорей кончаю плиту — скоро четыре, а у меня впереди частный заказ — два яйца и пачка махорки.

Большой каменный дом, бывшая фруктовая лавочка. Мой заказчик, его мать и сестра. Цементный пол, каменные стены, на них еще оставшаяся полка. Как-то странно выделяется чудная мягкая тахта, маленькая этажерка красного дерева — все мелочи указывают на бывшее богатство. Люди имеют вид холеных, избалованных жизнью. Какая неувязка — они в этой лавочке!

Он работает у немцев в городе, читает там газету. Немцы по всему фронту отражают советские атаки. Местами Советы имеют успех. Немцы жутко мерзнут и не подготовлены к зимней кампании.

⁹⁸ На улице Виландес (*латыш.*), расположенной в районе Риги, считавшемся аристократическим.



Гостиница «Рим» в Риге.
С открытки начала XX века

За это у ворот усилили побои. Чем хуже немцам на фронте, тем хуже евреям. Самый верный барометр.

Он смотрит на свою лавочку философски, считает, что [это] временный приют, вообще полон жизни и оптимизма, приятно встречать таких людей. Работа у него оказалась для меня находкой. В течение часа я все сделал, и у меня в портфеле очутились два яйца, в кармане — махорка. Хороший день для начала: два голубя, два яйца для детей — «Римский погреб»⁹⁹.

Дома Аля страшно обрадовалась, найдя голубей в кладовой, и уже приготовила их детям. Я грязен, как трубочист, но настроение приподнятое: работа, когда знаешь, что ею приносишь пользу не только себе, но и людям, которым хочешь помочь, — большое моральное удовлетворение. Убеждаюсь в том, что печник зимою в гетто не менее важное лицо, чем врач во время эпидемии, поэтому грязь и копать меня ничуть не трогают. Умывшись и поужинав, иду

⁹⁹ «Римский погреб» — знаменитый рижский ресторан, находившийся в здании гостиницы «Рим» на Театральном бульваре (впоследствии бульвар Аспазии). Здание было разрушено во время войны, на его месте находится гостиница «Рига».

к Фридману. Нужно реваншироваться — он мне дал спичечную коробку махорки, теперь я богат и сам могу угощать.

У Фридмана сравнительно хорошая квартирка — комната и маленькая кухня, спать там нельзя, но все же помещение. Жена его — очаровательная женщина. В ней чувствуется такая доброта и сердечность, к тому же чудная хозяйка. У нее все блестит, все на месте, все очень по-домашнему. Как у большинства семей, у них тоже свой крест. Кроме двоих сыновей — моего Изьки и младшего брата шестнадцати лет, есть еще девочка. Ей двенадцать лет, но [она] Диминого роста. Она калека с так называемыми «сухими ножками». Она целый день сидит, вырезывает из бумаги, нанизывает стеклянные бусинки или шивает тряпочки. Говорит она разумно, как взрослая, и всегда печальна. Любит, когда к ней приходят дети, но как она должна страдать при виде, как они бегают, в то время как она сидит, точно не было вообще ножек. Она очень нежная и хорошая девочка, без капризов. Родители ее обожают, так же [как] и братья. Больно глядеть, как младший брат старается ее развеселить и рассмешить, от мальчика его возраста я такой нежности не ожидал.

Пока мы с Фридманом сидим, покуриваем, делимся новостями и надеждами, входит сосед из квартиры рядом. Он рассказывает, что сегодня работал где-то в Бикерниеках. Пока ездили на грузовике, жутко промерзли, но остались довольны работой, вернее, тем, что такая работа делается. Рыли они в лесу ямы, длинные и глубокие. Без всякого сомнения, это будущие укрепления, а раз так, значит, ждут наступления советских. Говорит, что завтра опять поедет с этой рабочей группой, только теплее закутает ноги. У нас, вернее, у оптимистов, выработалось какое-то умение во всех событиях находить хорошую сторону — не знаю, умно, глупо ли, во всяком случае легче жить. Вменил себе в обязанность в присутствии кого бы то ни было, будь то свои или чужие, всегда шутить и приуменьшать неудачи и несчастья. Люди любят слышать из уст другого подтверждение своих желаний и надежд. В том, что эти ямы роются не для укреплений, я уверен, более того — что для другой цели, но для какой? Неужели?.. Отгоняю мысли, какие-то совсем безумные.

* * *

Дома жизнь как-то входит в свое русло, она начинает течь по-новому. Один вечер начинает походить на другой. В течение дня, пока меня не было, приходило много знакомых. Всем что-нибудь да нужно сделать, Аля даже записала, чтобы не забыть. Мама для меня тоже имеет заказ, срочный. Рамм, Григорий Яковлевич, нуждается в моей помощи. В стуле нужно вырезать круглую дыру: ему в комнате придется делать то, что полагается совсем в другом месте. Уборная на дворе, холодная, а он болен — пузырь и еще многое не в порядке. Чтобы понять, какая это для него чуть ли не драма, нужно его знать. Это эстет в буквальном смысле слова. Ему теперь лет семьдесят, несмотря на это, его усы и теперь подкрашены и приглажены. Он тип русского интеллигента 1900—1905 годов. Говорю, именно русского, потому что это тот тип. В молодости революционер по духу. Потом — идейный учитель (я у него тоже научился читать и писать). Отпуск проводил как турист. О Помпеях, Капри, Лувре вспоминает со слезами на глазах. Потом — для него существуют искусство, книги, мечта об идеальной женской красоте. Знает картины, владеет одной из лучших в Риге коллекций старинного художественного фарфора. В присутствии своей жены чистил нос, отворачиваясь, стараясь не издать при этом звука. [Теперь] Григорий Яковлевич должен в своей единственной крошечной каморке в присутствии [жены] Фанни заниматься такими делами. Бедный, бедный Григорий Яковлевич. Бывают мелочи жизни, производящие впечатление сильнее крупных происшествий. Для меня в этот день стул Григория Яковлевича затмил общее горе, я забыл про ямы.

Кто-то получил от какого-то полицейского за золотые вещи список находящихся в тюрьме. Среди заключенных будто бы есть Захарий Львович. Мария Ивановна вне себя от возбуждения. Сережа старается навести справки. По всей вероятности, это ошибка. Полицейские по телефонной книге фабрикуют списки, вытягивая за это последнее добро у евреев. Новый товар изобрели — надежду. За надежду платят золотом. В свое время утверждали, что евреи торгуют московским дымом, теперь полицейские торгуют надеждой.

У нас в гетто меновая торговля идет вовсю. Дрова — на картошку, носки — на табак, рубашку — за оконное стекло и т. д. Я тоже променял старые доски и несколько поленьев дров на сапожки для



Фанни (Фейга) Рамм



Григорий (Гецель) Рамм

Али. Они ей очень хороши, ногам тепло и сухо. Работы у меня больше, чем могу успеть. Весь вечер вожусь у себя за верстаком, делаю то оконные рамы, то ключи, то полки. В работу печника уже втянулся и чувствую себя вполне уверенно, заказчики все довольны. Голубей тоже хватает, каждый день удаётся подстрелить. Если так будет продолжаться, с голоду не помрем. Дети почти ни в чем не нуждаются, только мама и Аля морят себя голодом, все жалеют себе лишний кусочек.

С каждым днем в гетто увеличивается количество нищих. Ходят по квартирам, собирая съестное. Дают им несколько картофелин, брюкву, тарелку супа. Очень трудно определить, кто из них «настоящий» [нищий], так как их имеется три категории. Первая — настоящие, живущие тем, что наберут. Вторая — профессионалы, пользующиеся возможностью безнаказанно нищенствовать и живущие лучше большинства подающих. Третья, самая интересная и специальный продукт гетто, — это люди с болезненным страхом умереть с голоду, у них есть всевозможные припасы, но они боятся к ним прикоснуться. Из-за этой конкуренции настоящие голодающие получают меньше и реже. Есть и другого рода нищие, которые не подбираются. Видел на одном из дворов по [улице] Саркана старичка, занятого на куче кухонных отходов тем, что выискивал картофельную шелуху и случайные корочки. Делал он это с такой опаской,



Семен Дубнов.
Фото 30-х годов

чтобы никто не заметил, что было ясно — это не нищий, он, видно, в первый раз. Меня он не видел, но когда я прошел мимо, он меня заметил и так растерялся, что принял вид, будто занят совсем другим делом, стал в такую позу, как когда орошают землю. Почему люди в нашем положении еще стыдятся чего-то?

Вообще очень интересно наблюдать за людьми. Я заметил, что все жалующиеся на то, что у них ничего нет из запасов, все имеют, а те, которые молчат и уклоняются от этой темы, ничего не имеют. Говорю даже о наших знакомых. Для этого, конечно, есть объяснение: те, у кого [запасы] есть, боятся, чтобы у них не попросили в случае нужды, а те, у кого [их] нет, спокойны — им нечего дать.

* * *

Если проходишь по лесу и наталкиваешься на муравьиную кучу, она на большинство людей не произведет ни малейшего впечатления. Куча муравьев да и только, что там может быть — все муравьи одинаковы, их просто много. Посвященный остановится, он знает, что там полная разнообразия жизнь. [Там] есть королева, рабочие, бездельники, пленные, рабы, даже дойные коровы.

Вот и наше гетто — внешне все серо, суетливо, напуганно, голодное. Когда приходится, как мне, бывать у разных людей, в раз-

ных домах, то видишь, что и у нас имеются бездны и чуть ли не высоты. У нас имеется тюрьма, куда наша же полиция прячет воров и взломщиков — таковые тоже имеются. У нас есть проститутки, даже квартирки — нелегальные, негласные бардачки¹⁰⁰.

В приюте на Садовниковской, в коморочке, живет профессор Дубнов¹⁰¹ и пишет продолжение «Еврейской истории». В больнице на [улице] Лудзас¹⁰² врачи оперируют больных.

В одной квартире во время починки плиты слышал такой разговор:

— Маня, сходите сегодня за маникюршей. У меня весь лак сошел, пусть непременно зайдет.

— Ах, милая Софья Григорьевна, как трудно без папирос, я вчера отдала десяток яиц за сорок [штук] «Спорта».

* * *

Роза Гиршберг живет с одной дамой и одиноким господином. У этой дамы 25-летний сын. На днях он женился, и справляли свадьбу. Молодожены сидели рядом, и чувствовалось, что они так счастливы своей любовью и возможностью любить, что все остальное для них несущественно.

¹⁰⁰ Следует иметь в виду, что гетто (ит. *ghetto* — по названию района в Венеции; в средневековой Европе — часть города, выделенная для изолированного проживания евреев), созданные нацистами в период Второй мировой войны, хотя и были превращены ими в лагеря уничтожения, но, в отличие от концентрационного лагеря, гетто — это лагерь-город, куда были перемещены все слои еврейского населения. В Риге, где период существования «большого гетто», т. е. с 25 октября по 8 декабря 1941 года, составил всего неполных полтора месяца, некоторые из узников не только не успели до конца осознать свое реальное положение, но и сохранили свои род занятий, образ жизни и привычки.

¹⁰¹ Семен Маркович Дубнов (1860—1941) — крупнейший еврейский историк; публицист, общественный деятель; автор монументальной 10-томной «Всемирной истории еврейского народа» (Рига, 1934—1938), целого ряда других исторических трудов и обширных мемуаров (Книга моей жизни. Рига, 1934—1940. Т. 1—3).

¹⁰² Речь идет о «Линат-Гацедек» (*др.-евр.* «благотворительный ночлег») — еврейской гинекологической клинике и родильном доме на улице Лудзас, 25, созданной одноименным обществом, основанным в Риге в 1910 году. Здание было построено в начале 20-х годов на средства А. Соболевича. Впоследствии там находился лазарет СС.



Дом на улице Лудзас, 4, – последнее пристанище С. М. Дубнова.
Современный вид

* * *

Лиза Ракузина с мужем жили у стариков Али несколько лет на Антонинской¹⁰³. Она — маленькая, хрупкая женщина, как девочка. Муж ее громадный мужчина, баловал и нянчился с ней, обожали друг друга. Их мечтой был ребенок, но из-за ее слабого здоровья они его не могли иметь. В год советской власти они на это все же решились, и она ожидает ребенка через несколько недель. Муж ее, идейный большевик, был таким же добровольцем, как я, но не вернулся. Лиза надеется, что он в Союзе. Я уверен, что его там нет. Живет Лиза с матерью и еще одной женщиной в жуткой маленькой комнатке одноэтажного полусгнившего домика. Они ее «отремонтировали», стены оклеены газетами. Вода, конечно, на дворе, уборная также. Плита тоже в комнатке, в общем, это только кухня. Лиза молодец, она бодра и, несмотря ни на что, хочет для Герберта (мужа) выходить ребенка. У ее матери был в Риге известный салон красоты — [фамилия] Токель. Как ни странно, в гетто она продолжает заниматься этим же делом. Красит дамам волосы, делает массаж лица и т. д. Говорит, что надеется за свою работу получить достаточно продуктов, чтобы прокормить себя, дочь и будущего внука.

¹⁰³ Историческое название улицы Антонияс.



Здание по улице Лудзас, 25, где находилась больница «Линат-Гацедек».
Современный вид

* * *

Каждый день в гетто несколько похорон. Провожает только семья покойного, если она имеется. Часто в течение дня по [улице] Лудзас к кладбищу плетутся простые сани с черным ящиком, за ним — два-три человека. Иногда сани с ящиком проезжают быстро — значит, родных нет. Недавно у проволоки опять застрелили молодого парня.



Елизавета (Лиза) Ракузина.
Фото 1933 года

* * *

На домах появились объявления-приказы. Все евреи обязаны в течение недели сдать все золото, серебро, драгоценности, ковры. Предупреждается, что по истечении этого срока будут обыски и строгие наказания. Как мы знаем, наказание одно — расстрел.

В наше время богатым совсем плохо. Помимо заботы о спасении жизни еще забота о добре. Теперь за золото и даже пятилатовики¹⁰⁴ все можно получить, теперь, как никогда раньше, имеющие их любят и ценят, и вдруг — этот приказ. У нас с Алей по тонкому обручальному кольцу, да у Али еще два-три колечка, вот и все. Для нас этот приказ — что его и не было, но знаю таких, кого он хватит, как нож в сердце.

Меня этот приказ коснулся с другой стороны. Приходят знакомые за помощью упрятать ценности. Оказалось, что меня считают очень честным человеком и доверяют свои тайники. Была Мария Ивановна с двумя коробочками, и я их устроил у себя под полом. Анна Григорьевна принесла мне жестянку, ее зацементировал под нашей плитой. Ко многим знакомым ходил на дом. Кому в двери, кому в карниз шкафа, кому под пол, другому в каблук башмака. Словом, на все лады. Есть и очень пугливые людишки, относящие драгоценности в *Judenrat*. Серебро советую кидать в уборную или зарывать, лишь бы не дать немцам.

Слов нет, у богатых еще много добра, кладов на форштадте теперь немало, вопрос только — кто их выкопает?

* * *

Алино недоедание уже сказывается. На днях она долго ждала в очереди перед мясной [лавкой]. Наконец, когда ее впустили, и она уже собиралась уходить, у нее от слабости закружилась голова, потемнело перед глазами, и с ней приключился обморок. Это первый раз в ее жизни. По странной случайности ее привела в чувство Феня Ф[альк]. После этого она Алю проводила до дому, несла ей пакеты. Аля говорит, что они очень подружились. Говорили обо мне. Странно, как в настоящем горе то, что когда-то лежало пропастью между ними, стало связующим звеном.

¹⁰⁴ Пятилатовик — серебряная монета достоинством пять латов, отчеканенная на Королевском монетном дворе в Лондоне и имевшая хождение в Латвии в 1920—1930-е годы.



Бернгард Иоэльсон.
Фото 1920 года

* * *

На Даугавпилсской [улице] работал в двух квартирах в одном и том же доме для двух совершенно противоположных людей.

Квартира Иоэльсона, бывшего рижского зонтичного фабриканта и домовладельца, и крупного *биргела*¹⁰⁵. В дверях возится слесарь, вделявает английский *Schnepper*¹⁰⁶, цепочку, задвижку наверху и вниз. Иоэльсон стоит рядом и ассистирует. Следит за тем, чтобы все было исправно сделано. Проверяет задвижки, пробует цепочку. Дает свои «указания». Зрелище довольно непривычное для гетто. Плита в полной исправности, только берет много дров, нужно перестроить так, чтобы была экономной. Горячую воду получаю у дворника, мальчики готовят глину, я разнимаю плиту.

Иоэльсон — курляндский еврей (немецкое воспитание), старик лет шестидесяти. Тип буржуа. Живет с женой и дочерью с новорожденным. По всему видно, что припасов — гибель, вся кухня завалена всякими ящиками и банками, чувствуется запах какао и настоящей еврейской колбасы. Меня нервирует, когда смотрят на пальцы во время работы и дают советы, к тому же глупые. Иоэльсон боится покинуть кухню хоть на момент, чтобы чего не сперли. Он меня не знает, в то время как я о нем много слышал. Вторая жена Натиного

¹⁰⁵ Слово в рукописи недостаточно разборчиво; вероятно, это латыш. *birģelis* — буржуй.

¹⁰⁶ Замок с защелкой (нем.).

тестя А[рона] Беньямина — сестра этого господина, я в некотором роде даже с ним в родстве. Начинается обычный разговор:

— Скажите, до гетто вы тоже были печником?

— Как же, это моя профессия, в свое время была очень доходной.

— Странно, я вообще не знал, что были евреи-печники, но школу вы, наверно, посещали?

— Да, конечно.

— Между прочим, как ваша фамилия?

— Ривош.

— Знакомая фамилия, какой вы Ривош, как зовут вашего отца?

— Иосиф.

— Подождите, не может быть, неужели вашу мать зовут Ревекой?

— Да.

— И сестра [ваша] Ната замужем за Беньямином?

— Да.

— Боже мой, Анна, Анна, зайди на момент, этот печник — сын Иосифа Ривоша!

Входит жена [Иоэльсона] и смотрит на меня с таким видом, будто я какое-то чудо. Чувствуется, что для них это загадка, что [они] полны жалости.

— Неужели вы ничем другим не могли стать? Бедный Иосиф Ривош, его сын — печник!

— Вам нечего его жалеть, а то, что среди ваших некровных родственников затесалось такое несчастье, вам уже не повредит. Печник — хорошее ремесло, и звание печника во всяком случае почетнее зонтичного фабриканта.

Мои мальчики сдерживаются, чтобы не расхохотаться. Мне хочется его подразнить:

— Скажите, господин Иоэльсон, для чего вам все эти задвижки и цепочки, неужели вы боитесь воров, или это против немцев? Вы же плачете, что у вас ничего нет, значит, воров нечего бояться, а немцев это не удержит.

— У меня, конечно, ничего нет, но все же спокойней.

Стук в дверь, хочу открыть, но Иоэльсон меня опережает и открывает только щелку. Нищий просит подаяния.

— Что вы шляетесь, у вас больше, чем у меня, я сам голодаю, уходите, не то позову дворника!

Из-под мешков виднеются ящики с картошкой. Запах, как в лавке съестных припасов. Ну и сволочи на свете бывают. Скорее хочу

закончить [работу], этот недорезанный буржуй мне действует на нервы. За свои деньги он хочет получить свой максимум и следит за тем, чтобы я не жалел ни глины, ни кирпичей, чтобы как можно красивее и чище сделал работу, чтобы разводил как можно меньше грязи, вспоминает с грустью о квартирах в своих домах, о трудности иметь дело с ремесленниками и т. д. Хотел заставить моих мальчиков вымыть пол, чему я, конечно, воспротивился — это не наша обязанность. Хотя дверь в комнату прикрыта, раздражающий запах жареной колбасы с луком щекочет ноздри.

* * *

Стучу в квартиру этажом ниже. Никто не открывает. Прислушиваюсь. Нажимаю ручку — дверь открыта. Кухня, рядом закрытая дверь. Из-за двери раздается:

— Господи, Господи, когда кончится моя мука, неужели ей не будет конца?..

Голос жуткий, полный безграничного отчаяния. И снова:

— Хаим, это ты? Господи, зайди же, что ты все удираешь?

Открываю дверь. Первое, что вижу, — кровать, на ней — измученная женщина, рядом с ней под одеялом — ребенок с обвязанной шеей. У ног, на кровати, как зверьки, прижавшись друг к другу, — еще трое ребятишек в пальтишках. У другой стены — дверь, поставленная на кирпичи, на ней — одеяло и несколько серых подушек. Горшок, ведро и стул — вся обстановка.

— Кто вы, зачем вы пришли?

Говорю, что из-за плиты и печки.

— Хорошо, хорошо, но лучше бы пришел *Малах-хамовес* (ангел смерти), ох, боже мой, что это будет!

Спрашиваю, не могу ли ей чем[-нибудь] помочь.

— Как вы можете мне помочь, у меня желчные камни и, кажется, рак, нам нечем топить и нечего кушать, нам только *Малах-хамовес* может помочь. Ах, вот и он, этот изверг, который произвел [на свет] этих несчастных!

В кухне, как пришибленный, стоит какой-то жалкий человек — собственник этого богатства. Не могу заниматься созерцанием и психологическими этюдами, нужно работать. Хаим засуетился, забегал, побежал за горячей водой, словом, ожил. Чувствую, что ему страшно оставаться наедине с семьей, он рад, что тут чужие люди.



Дом по улице Лудзас, 29.
Современный вид

В кухне часть окна заклеена бумагой, полутьма. На полу несколько горшков, грязная посуда, корзинка мерзлой картошки, ящик — это, кажется, все. Жуткий холод. И опять из-за двери:

— Бедный мой, бедный Хаим, на кого я вас оставляю, что ты будешь делать с этими червячками без меня, ты же такое ничтожество, ты ведь ни на что не годен. Боже мой, дай нам скорее всем умереть!

Тут она его проклинает, тут жалеет, тут любит и опять ненавидит. Сколько мук и страданий в этих воплях. Тяжело сознавать, что можешь только слушать, ничем не помогая. Как тяжело должно быть Хаиму.

Хаим с интересом наблюдает за работой, старается, где может, подать, принести, хочет помочь. Это не то, что Иоэльсон!

Как будто специально для контраста — стук в дверь. Хаим впускает молодого человека. Говорит он по-немецки с заграничным акцентом. Он, мол, никого в гетто не имеет, так как чешский эмигрант, три дня уже ничего не ел, может, что-нибудь для него найдется. Хаим, ни слова не говоря, вытаскивает один горшок. В нем вареная в шелухе картошка, еще теплая. Откуда-то достает чашечку с солью и сожалеет, что, кроме этого, ничего больше нет.

— Кушайте из горшка, тогда она не так быстро стынет, кушайте, сколько хотите, картошки хватит, не стесняйтесь.

Парень голоден, но он видит, кто ему дает, Хаим — сам нищий упрасивает нищего не стесняться! На прощание он ему насильно запикивает в карман несколько картошин.

— Если будете опять голодны, зайдите.

* * *

После четырех часов зашел для частной работы к *т-те* [Ревеке Абрамовне] Лихтенберг. Аля ее называет свекровью Л[юси], и она это — по тому, как относится к Л[юсе], — видно, заслуживает. Аля, было, от меня потребовала, чтобы я с нее ничего не брал за работу, с чем я не согласился. Я с Л[юсей] не так близок, чтобы матери ее друга дарить время и материал. Аля считает меня за это свиньей. Пусть. Живет она на Лудзас, [29], в маленькой, низкой комнатке, без электричества, воды и т. д. Электричество я ей провожу, [насчет] воды и клозета только могу почувствовать. Живет она еще с одной дамой, и все волнуется, где она устроит сына¹⁰⁷, когда [тот] придет. Он в тюрьме. Она так живет любовью к нему — у нее, кроме него, никого нет, — что вообще не допускает и мысли, что он может и не вернуться. Хранит все его вещи, даже табак и сигаретки держит наготове. Просила меня повесить у себя его костюм — боится обыска. Зарабатывает маникюром и имеет много работы. Как сильно у женщин желание быть красивыми! *Il faut souffrir, pour être belle*¹⁰⁸.



Соломон Лихтенберг.
Фото 1934 года

¹⁰⁷ Имеется в виду Соломон Лихтенберг.

¹⁰⁸ Красота требует жертв (*фр.*).

Провел ей электричество и получил коробку овсянки и табак. Свято обещал ей достать другой [табак], как только вернется сын. Я ничем не рискую.

* * *

Постепенно становлюсь «великим комбинатором». Р[озе] Г[иршберг] нужно застеклить окно, но нет стекла. За это окно [она] предлагает фунтовую баночку клубничного варенья. Другие нуждаются в полках. Знаю, что у них имеются большие портреты предков под стеклом. За это стекло делаю им полки. Это стекло идет в окно к Р[озе] Г[иршберг], а банка с вареньем попадает к Диме и Лидочке. Бывает, что собьюсь с толку и в конце [концов] не знаю, что у кого получить и что кому делать. Дни летят, а работы все больше и больше. По гетто циркулируют слухи один другого фантастичней. Стараюсь не замечать, не думать о них. Мы все равно ничего уже не можем предпринять, так зачем заранее портить себе и другим кровь. Успеем наубиваться тогда, когда разразится несчастье. Кто может знать, что принесет завтра, может, вместо еще большего горя придет спасение? Живем между надеждой и страхом.

В гетто новое объявление: «Всем евреям вменяется в обязанность незамедлительно заявлять в полицию о скрывающихся в гетто неевреях». В случае неисполнения может пострадать все гетто.

Говорят, что в гетто скрываются немецкие дезертиры. От знакомого еврейского полицейского узнал, что была облава, двоих поймали. По описанию выяснил, что нищий, которого я встречал [в доме] на Даугавпилсской и выдававший себя за чеха — один из них. Жаль парнишку, теперь вместо картошки получит пулю.

Немцам на фронте плохо. Нам становится еще хуже.

По субботам я для *Judenrat*'а не работаю — «выходной» день, тем более занят своими частными заказами, так как в этот день хожу к таким близким друзьям, от которых не беру платы. Отступление от принципа, но есть люди, по отношению к которым принцип теряет силу.

[В] эту субботу решил отдохнуть и никуда не ходить. За неделю настрелял лишних голубей, и сегодня будут голуби для всех. Мама нас сегодня балует — подала чай в кровать. Лежим с Алей и Димой, даже девочку мама принесла нам, хорошо, что широкая кровать. За последние недели и месяцы не заметил, как Лидочка быстро разви-

лась — стала совсем другая, чем в Зассенгофе. Говорит уже на каком-то иностранном языке, в котором изредка попадаются знакомые слова. Как подобает будущей женщине, научилась целовать. Становится маленьким человеком. Дима, видно, считает ее своей собственностью и страшно ею гордится, все старается мне ее продемонстрировать с лучшей стороны.

Бумага на окнах поднята¹⁰⁹, солнце заливает всю комнату. На дворе все бело, на столбиках забора большие белые папахи. Чудный морозный день. В такие минуты в тепле, рядом с любимой женой и ребятишками, когда физически наслаждаешься настоящим отдыхом и близостью любимых, забываешь все вне этих четырех стен. В такие минуты не верится, что, может, придет час глубокого, безысходного горя.

Наша дочь расшалилась и не заметила, что с ней случилось несчастье — лужица в кровати родителей. Это происшествие как-то само собой расстраивает всю идиллию, к тому же бессовестно поздно, так что можно смело вставать. Пока убирают и проветривают, выхожу с Димой во двор, катаю его в саночках. Чарли бежит рядом и нас облаивает. От белого снега и солнца больно глазам. Хотим с Димой лепить из снега бабу, но он слишком сухой, приходится отбросить эту мысль. Мы сегодня друзья и не ссоримся, и Дима сегодня, кажется, не хочет другого папы. Потом держу его на коленях и, уютно развалившись на кровати, читаю ему «дядю» Пушкина — «про попа и его слугу Балду». Это Диминая любимая сказка, и может он ее слушать без конца. Рядом мама и Аля возятся с обедом, до нас доходит аромат голубей. На ковре шалит Лидия, стараюсь ухватить Чарли за хвост, которого у него нет. На подоконнике Цапкин с жадным видом следит за воробьями. Как уютно жить в этом маленьком домике!

Как время бежит. Вот уже Самуил Львович стучит палкой в окно (тогда ему не нужно ждать у двери) — пришли старички к обеду. Чарли с радостным лаем вертится у дверей. Я их дней пять не видел. Моя старушка с лошадиным лицом правду сказала насчет здоровых и дохлых. Все толстые тают на глазах, а худые не меняются. Анна Григорьевна стала совсем стройной, в то время как Самуил Львович почти не изменился. Для них хождение на обед — целое событие. Подниматься [при возвращении] на четвертый этаж при их

¹⁰⁹ Речь идет о черной бумаге, использовавшейся для светомаскировки, что было предписано оккупационными властями.

теперешней слабости — дело нелегкое. Во время обеда у нас на сцене появляется складной стол между окном и Диминой кроватью. За столом имеется только одно — Алино — место, с которого во время обеда можно вставать и опять садиться. Все остальные «неподвижны» — раз сел, значит, сиди, в противном случае вся «постройка рушится»: чтобы вылезть из-за стола, приходится его чуть ли не складывать. В доме у нас мама и Аля сохраняют «культуру»: скатерти, ножи, вилки и т. д. — все, как когда-то. После большинства моих клиентов мне это все кажется ужасно буржуазным; большинство уже отбросило все это как ненужное, скатертей почти нигде не употребляют и т. д. Делается это у нас главным образом стариков ради, они выросли и долгую жизнь прожили в этих условиях, к ним так привыкли, что бедная примитивность их лишний раз угнетала бы. Не нам их перевоспитывать. Как раньше, Самуил Львович кладет себе салфетку на колени. Анна Григорьевна всегда отличалась немелким аппетитом, теперь ей очень трудно, но, сидя за столом, кушает с таким невозмутимым спокойствием и сдержанностью, что невольно восхищаешься ее владением собой. Обед у нас, как в «*Romas pagrab'e*». Суп из тертых овощей, жареные голуби с румяной картошкой. После этого чай с клубничным вареньем, на что Аля решилась, скрепя сердце, ради этой исключительной субботы, когда я дома.

Пришла Циля и увела Диму гулять. Анна Григорьевна нянчит Лидочку, мама пошла к Роммам, а Аля и я устроили себе «воскресенье» после обеда — лежим и читаем. Целый день провели «вне гетто», ни разу не затронули всех гнетущих вопросов. Жаль, что зимою такие короткие дни, скоро вечер, а завтра опять гетто. Хоть мы и собирались читать, все же заснули. Будит мама, чтобы устроил затемнение. Анна Григорьевна и Самуил Львович ушли. Дима дома. День клонится к концу. Наша суббота, уютный день, проведенный всей семьей, прошел. Он единственный, больше таких дней не будет, даже некому будет о нем вспоминать.

* * *

Слухи, слухи без конца. Иду к Герцмарку за инструкциями по работе. Он каждый день в *Judenrat'e*, он там свой человек и больше многих других знает, что там творится. Я у него. Герцмарк вне себя, работа как будто его не занимает, имеются вопросы поважнее. *Judenrat* прилагает все силы, чтобы выторговать у немцев об-

легчение в разрешении нашего вопроса. Немцы хотят следующее: так как при нынешнем положении большая часть еврейского населения не используется властями, отделить всех работоспособных мужчин в особой части, а в самом гетто оставить только мужчин, работающих для *Judenrat*'а, т. е. для гетто. Это решение не катастрофа, но есть якобы еще другая возможность — оставить в части гетто работоспособных мужчин, а остальных и женщин с детьми отправить в лагерь, может, даже в резерват¹¹⁰, т. е. в Люблин¹¹¹. Само гетто будто бы нужно для других надобностей. Вторая версия — только слух, но все же с некоторыми ножками.

Загадка для нас — непоследовательность распоряжений. Еще на днях *Judenrat* получил наказ построить баню, *Entlausungsanstalt*¹¹², дали целое здание для устройства разных мастерских, назначили новых [еврейских] полицейских. К чему вся эта комедия, к чему нас вводить в заблуждение, когда мы все равно безоружны и беспомощны? Хотя знаешь, что эти слухи могут стать реальностью, они кажутся слишком невероятными. Зачем было на несколько месяцев строить гетто, выселять неевреев, для чего все это?

* * *

Как-то сразу пропала всякая охота к работе. Для чего, к чему? Внешне сохраняешь беззаботный вид, но на душе кошки скребут. Работа тоже в этот день в неприятном месте — женское общежитие. Помещение — бывший склад чего-то. Низкое длинное здание. Как в казарме или в больнице, только более густо [стоят] кровати, кушетки и т. д. Живут там около пятидесяти женщин различного возраста. Одна большая кирпичная плита и печь на всех.

Утро, все еще в кроватях и, видно, не собираются их покидать. Сравнительно чисто, порядок, но убивает меня этот запах. Он меня преследует, и долго не могу от него избавиться. Сексуальный женский запах всяких выделений и пота, запах сна и ночной посуды — все это в такой концентрации, что захватывает дух. Работы хватит

¹¹⁰ То же, что резервация — территория для принудительного поселения.

¹¹¹ Город в восточной части Польши, который в начале оккупации (1939 год) гитлеровцы предполагали вместе с Люблинским воеводством превратить в резервацию для еврейского населения Польши и других стран, захваченных Германией. В апреле 1940 года этот проект был отклонен.

¹¹² Вошебойка (нем.) — санпропускник с дезинсекционной камерой.

на несколько часов. С женщинами, [находящимися] поближе, вступаю в беседу. Они еще ничего не знают, и я их не просвещаю. Шучу и говорю, что все скоро кончится в нашу пользу. С некоторыми, помоложе, затрагиваем даже легкомысленные темы. «Поднимаю их настроение». Мне кажется в порядке вещей, что они не стесняются при мне одеваться и совершают свой туалет. Ко мне подходит *m-lle* Лена, бывшая воспитательница моей племянницы, и так, чтобы никто не видел, дает мне маленькую коробочку, там колечко и золотые часики, просит спрятать под плитой. Это ее единственное богатство, и она боится, чтобы во время возможного обыска [его] не нашли. Хочу ей сказать, чтобы не делала этого, что ничего не известно, что и как будет, но не решаюсь. Прячу за кирпич, указывая, как ей в случае спешки быстро оттуда достать. Не знаю, почему она мне за это так благодарна, это все ведь так неважно. Нарочно вожусь — как-то хочешь отодвинуть надвигающуюся грозу и не торопишься узнавать новости. Если так часто, как сейчас, буду закручивать махорку, ее ненадолго хватит. Так беспокойно на душе.

После работы захожу к Гутманам, старички просили кое-что сделать. Нахожу Гутмана в слезах. Его жену вчера оперировали, она лежит в больнице, а каждый день могут выселить. Еврейские врачи будто бы получили приказ всех серьезно больных лишать жизни. В Германии будто бы всех безнадежно больных и неспособных к жизни отравляют «сладким кофе». Все это слухи, но опять-таки все с ножками. Вспоминаю, что Лиза Р[акузина] не сегодня-завтра должна рожать, может, уже родила.

* * *

Хотя ничего еще не известно, все гетто взволнованно до крайности. Женщины позабыли о красоте, а это уже очень много. На этот раз волнение сказывается необычным образом. Нет шума, крика, оживленных бесед. Наоборот, тихо, как на похоронах, как при родах, замерзшая перед грозой. Говорят как-то шепотом, боясь услышать свои же слова. То, что нет никаких распоряжений, еще усугубляет волнение и страх. Ждут чего-то страшного, сами не зная, чего. Вечером новостей еще нет. Может, все — напрасный страх, может, погода прояснится?

Гроза разряжается дождем и бурей. И эта разрядится — слезами и кровью.